

НАОМИ НОВИК

СМЕРТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ПЕРВЫЙ УРОК ШОЛОМАНЧИ

*Не все волшебные школы одинаковы.
ЭТА ЗАХОЧЕТ ТЕБЯ УБИТЬ.*

Шоломанча

Наоми Новик

Первый урок Шоломанчи

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Новик Н.

Первый урок Шоломанчи / Н. Новик — «Эксмо»,
2020 — (Шоломанча)

ISBN 978-5-04-184664-0

Не все волшебные школы одинаковы. Эта захочет тебя убить. Галадриэль знает закон: только сильнейшие маги смогут выбраться из стен Шоломанчи. Здесь нет ни учителей, ни каникул, ни друзей. Зато в темных коридорах всегда полно злыдней — опасных существ, готовых наброситься на тебя в любой момент. Пережить выпускной — вот главная цель каждого, кто однажды попал сюда. Но, кажется, на этот раз школа приготовила испытание, которое невозможно пройти. С чем это связано? Кто в этом виноват? И как спасти себя и всех остальных? «Так выглядел бы Хогвартс, если бы его придумал Лавкрафт». Мария Покусаева, блог BadLibrarian

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-184664-0

© Новик Н., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Наоми Новик

Первый урок Шоломанчи

Naomi Novik

A DEADLY EDUCATION

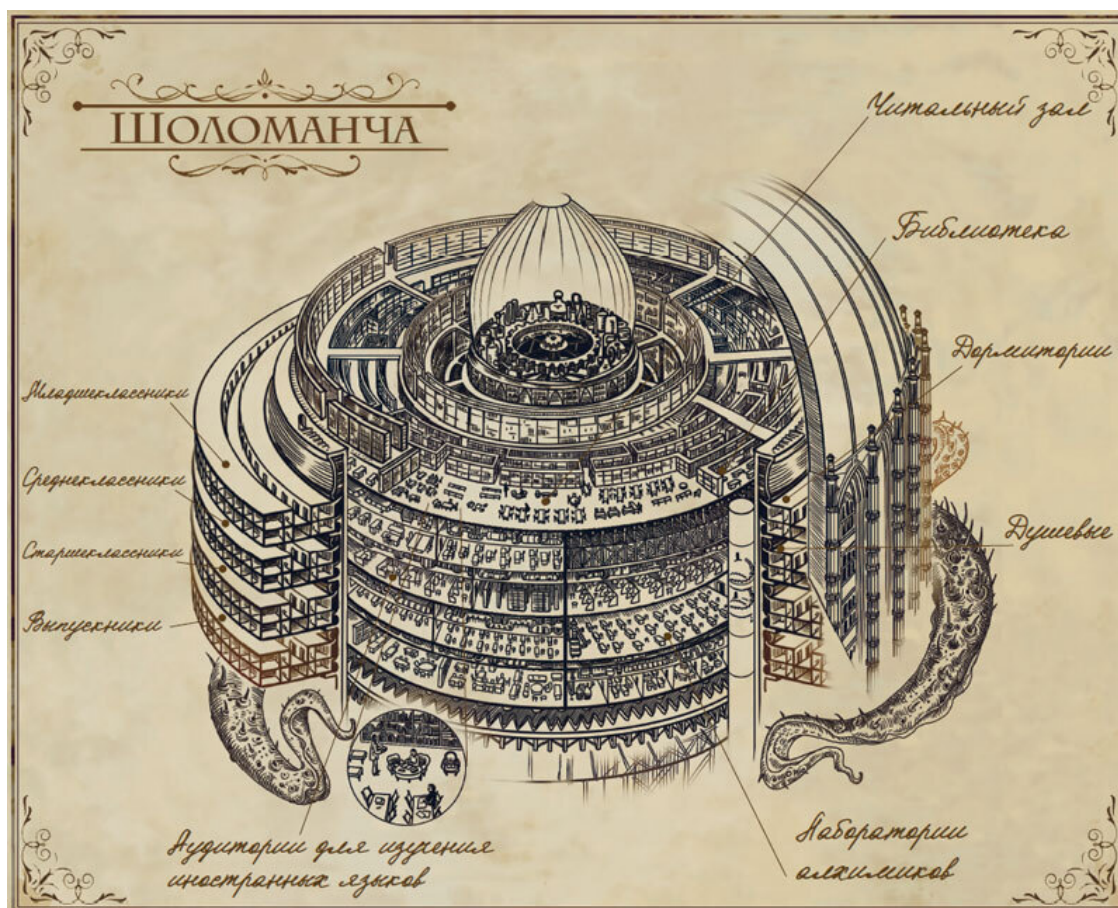
Copyright © 2020 by Temeraire LLC

© Сергеева В.С., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Во внутреннем оформлении использованы изображения: © monkographic, Vector Tradition, ekosuwandono, Vera Petruk, Kalleeck, Mia Stendal, Alessandro Colle, Katerina Iacovides, Africa Studio, Happetr, tomertu, Zaleman, RaraAvisPhoto, Obsidian Fantasy Studio, ju_see, dani3315, Roman3dArt, ninoon, DM7, Triff, fantasystock, ekosuwandono, Chikovnaya, Vera Petruk/Shutterstock.com

* * *

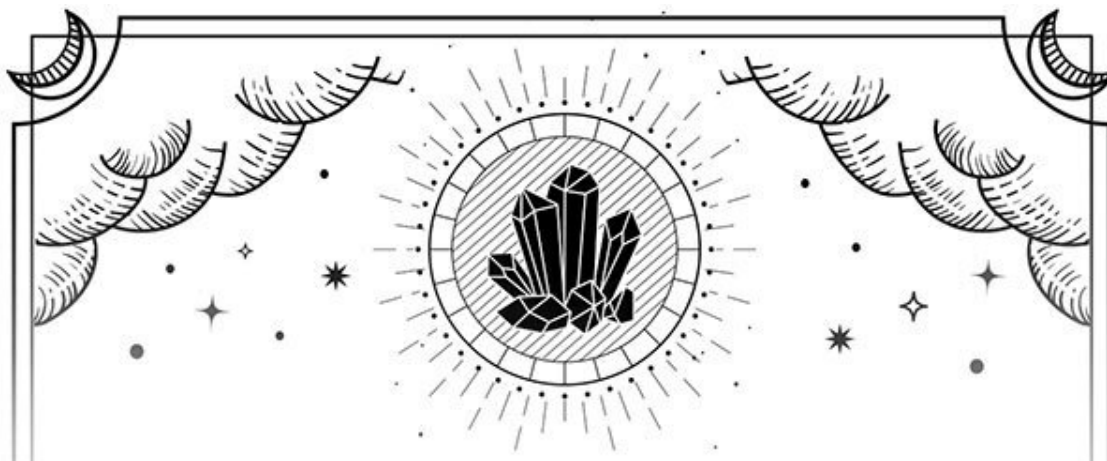

Посвящается Лиму, который принес свет во тьму

Глава 1

Пожиратель душ

Когда Орион спас меня во второй раз, я решила, что он заслуживает смерти. До этого я не обращала на него особого внимания, но всему же есть предел. Я бы не возражала, если бы хоть число было символическое – десять или тринадцать. Тринадцать раз – совсем другое дело. Орион Лейк – мой личный телохранитель... с этим я еще могла смириться. Но мы провели в Шоломанче почти три года, и он до сих пор никак меня не выделял.

Вы, конечно, скажете, что с моей стороны эгоистично питать кровожадные намерения по отношению к герою, ответственному за выживание четверти моего класса. Увы неудачникам, которые не сумели продержаться без его помощи. Впрочем, никто и не обещал, что мы *все* выживем. Школу надо чем-то кормить.

Вы спросите, а как же я. Раз уж я нуждалась в помощи, даже дважды. И именно поэтому, на мой взгляд, Ориону лучше умереть. Кстати, в прошлом году, сражаясь с химерой, он устроил взрыв в алхимической лаборатории. Мне пришлось самой выбираться из обломков, пока он скакал вокруг, нанося удары ее огнедышащему хвосту. И пожиратель душ не провел в моей комнате и пяти минут, прежде чем вломился Орион: видимо, он преследовал тварь по пятам, гнался за ней по коридору. Пожиратель влетел ко мне в поисках укрытия!

Но кому интересно слушать мои объяснения! Химера осталась не на моей совести – в лаборатории в тот день было больше тридцати человек. Но эффектное спасение в собственной спальне – это событие совсем иного рода. С точки зрения всей школы я присоединилась к массе незадачливых простофиль, которых спас блистательный Орион Лейк, и это было нестерпимо.

Комнаты у нас не очень большие. Орион переводил дух в нескольких шагах от моего стула, стоя над булькающим лиловатым пятном, которое осталось от пожирателя душ. Слизь постепенно просачивалась в узкие щели между половицами, чтобы хорошенько распространиться по всей комнате. Слабеющее сияние, исходящее от рук Ориона, освещало его лицо – самое обыкновенное. У него был крупный горбатый нос, который выглядел бы впечатляюще, если бы не отставали остальные черты, – а так он просто казался слишком большим. Мокрый лоб облеплен серебристыми волосами, которые нужно было подстричь еще месяц назад. Большую часть времени Орион проводит за непроницаемой стеной преданных поклонников, и пока мне не удавалось увидеть его вблизи.

Он выпрямился и вытер пот рукой.

– Ты цела? Тебя зовут Гэли, да? – спросил он, посыпав соль на раны.

Мы три года сидели в одной лаборатории.

– Нет, благодаря тебе и твоему безграничному помешательству на всех темных тварях, которые здесь ползают, – ледяным тоном ответила я. – И я не *Гэли*, меня никогда так не звали – я *Галадриэль* (не надо так смотреть, не я выбирала себе имя). А если ты не в состоянии выговорить сразу четыре слога, зови меня Эль.

Он вздернул голову, моргнул и уставился на меня, приоткрыв рот.

– О. Э. Извини, – произнес он вопросительным тоном, как будто не понимал, в чем дело.

– Нет-нет, – сказала я. – Это ты извини. Я, очевидно, плохо играю свою роль. – Я драматическим жестом поднесла ладонь ко лбу. – Орион, я так испугалась! – с придыханием выговорила я и бросилась ему на шею. Он слегка покачнулся: мы одного роста. – Как хорошо, что ты пришел и спас меня! Я ни за что не справилась бы с пожирателем душ в одиночку! – И я изобразила горестное рыдание.

Представляете, Орион всерьез попытался меня обнять и похлопать по плечу – вот до какого автоматизма у него это дошло. Я врезала ему локтем в живот. Он издал звук, похожий на лай, отступил и уставился на меня.

– Я не нуждаюсь в твоей помощи, и нечего тут маячить, – сказала я. – Не лезь ко мне, не то пожалеешь. – Я отпихнула Ориона еще на шаг и захлопнула дверь прямо перед его горбатым носом.

Я испытала мимолетное удовлетворение, мельком заметив замешательство на его лице, а затем осталась наедине с металлической дверью и большой оплавленной дырой в том месте, где раньше были ручка и замок. Спасибо, герой. Я гневно взглянула на дыру и повернулась к своему столу.

Тем временем пожиратель душ растекся до конца, шипя как прохудившаяся паровая труба, и комнату наполнил запах гнили.

Я так разозлилась, что очистить комнату заклинанием сумела лишь с шестой попытки. После четвертого раза я встала, швырнула потрескавшийся древний свиток в непроницаемую тьму за столом и в бешенстве завопила:

– Я не хочу призывать армию скуваров! Не хочу воздвигать стену смертоносного пламени! Я, блин, хочу, чтоб в комнате было чисто!

Из пустоты в ответ прилетел переплетенный в светлую кожу огромный том с острыми углами, которые неприятно скрипнули, когда книга приземлилась на металлический стол. Кожа, скорее всего, была свиная, но мастер явственно пытался внушить, что ее содрали с человека (ни разу не лучше). Книга сама собой раскрылась на странице с инструкцией, как поработить целую толпу людей и заставить их выполнять свои приказы. Наверно, уж *они* бы прибрались в моей комнате, если бы я им велела.

В конце концов мне пришлось достать дурацкие мамины кристаллы, сесть на узкую скрипучую кровать и десять минут медитировать. Тем временем вонь пожирателя душ витала вокруг, пропитывая одежду, постельное белье и бумаги. Вы, наверное, думаете, что любой запах должен выветриться быстро, поскольку одной стены в моей комнате нет и из нее открывается роскошный вид на таинственную тьму: это все равно что жить на космическом корабле, зависшем прямо над черной дырой, – удовольствие первый сорт... Короче, вы ошибаетесь. Вернувшись из глубин неконтролируемой ярости, я столкнула книгу в свиной коже со стола обратно в темноту – не рукой, а карандашом – и произнесла как можно спокойнее:

– Мне нужно простое домашнее заклинание, чтобы убрать грязь с плохим запахом.

И внезапно передо мной со стуком упал гигантский фолиант под названием «Амунан гамверод», полностью состоящий из заклинаний на древнеанглийском языке (который я знаю довольно слабо). И ни на какой конкретной странице он не открылся.

Со мной вечно случается что-нибудь такое. У некоторых чародеев есть способность к управлению погодой, или к трансформациям, или к боевой магии, как у милейшего Ориона. А у меня способность к массовому уничтожению. Это все мама виновата, разумеется, как и с

моим идиотским именем. Она из тех, кто любит цветы, бусы и кристаллы и танцует под луной в честь Богини. Все люди у нее хорошие, а тот, кто косячит, – просто недопонят или несчастлив.

Она даже проводит массажную терапию для заурядов, потому что «так приятно поднимать людям настроение, милая». Большинство волшебников не утруждают себя обычной работой – она считается низкой, – ну или подыскивают какую-нибудь должность-пустышку. Человечек уходит на пенсию, проработав сорок шесть лет на одном месте, и никто не помнит, чем же он занимался: рассеянный библиотекарь, бесцельно бродящий между полок; третий заместитель директора по маркетингу, который приходит только на встречи с руководством, и так далее. Есть заклинания, которые помогают искать такие должности или создают их, – и тогда ты не думаешь о хлебе насущном и располагаешь свободным временем, чтобы собрать ману и превратить внутренность своей дешевой квартирki в особняк из двенадцати комнат. Но только не мама. Она берет за работу сущие гроши, да и то потому, что если ты предлагаешь профессиональный массаж задаром, люди будут коситься (и правильно).

Естественно, я получилась полной противоположностью этой идеальной женщины (как может догадаться любой человек, имеющий базовое представление о принципе равновесия). Когда я хочу прибрать в комнате, то получаю совет, как уничтожить ее огнем. Впрочем, я все равно не *могу* использовать эти восхитительные смертоносные заклинания, которые школа так охотно мне подбрасывает. Вы удивитесь, но нельзя по щелчку вызвать армию демонов. Для этого нужна сила, и немалая. А поскольку помощники по сбору средств для призыва армии демонов вряд ли найдутся, будем реалистами – для этого нужна малия.

Все – ну, почти все – понемножку пользуются малией в таких вещах, которые сложно назвать плохими. Например, превратить кусочек хлеба в пирог, предварительно не собирая для этого ману. Маги считают это просто безобидным плутовством. Конечно, сила всегда берется *откуда-то*, и если ты не собрал ее сам, то, значит, высосал что-то живое (проще всего взять ману у того, что живет и движется). Поэтому ты получаешь пирог, но колония муравьев у тебя на заднем дворе цепенеет, умирает и рассыпается в прах.

Мама даже чай не станет греть с помощью малии. Но если ты менее щепетилен – а большинство людей именно таковы, – то каждый день можешь создавать себе трехъярусный торт из муравьев и грязи и тем не менее дожить до ста пятидесяти лет и мирно скончаться в собственной постели (если, конечно, до этого не умрешь от диабета). Однако если человек начнет использовать малию по-крупному, например чтобы стереть с лица земли город, или уничтожить целую армию, или сделать еще какую-нибудь бесполезную вещь (из тех, что мне отлично знакомы), сил ему не хватит. Тогда придется высасывать ману (или жизненную силу, или энергию арканов, или волшебную пыль, называй как хочешь) из созданий, которые достаточно сложны, чтобы испытывать по этому поводу какие-то чувства и сопротивляться. Тогда сила становится нечистой, и в тебя буквально впиваются когтями, пока ты пытаешься отобрать у других их ману, – и нередко другие побеждают.

Для меня, впрочем, проблемы бы не было. Я бы отлично вытягивала малию, если бы решила на это по глупости или от отчаяния. Здесь нужно отдать маме должное: она практиковала естественное родительство и прочую ерунду: то есть ее прелестная девственно-чистая аура окутывала меня, не позволяя связаться с малией слишком рано. Когда я принесла домой лягушат, чтобы повозиться с их кишками, мама ласково сказала: «Нет, дорогая, мы не причиняем боль живым существам», а потом мы пошли в деревенский магазинчик, и она в качестве компенсации за лягушат купила мне мороженое. В пять лет мороженое было для меня главным поводом желать власти, поэтому, как вы догадываетесь, я стала приносить матери все свои живые находки. Когда мороженое перестало меня соблазнять, я была уже достаточно взрослой и сама поняла, что случается с чародеями, которые используют малию.

В основном к ней прибегают старшеклассники, перед которыми маячит выпуск, но в нашем классе тоже есть несколько человек, которые этим занимаются. Иногда, если Лю взгля-

нет на тебя мельком, глаза у нее на секунду делаются совсем белыми. Ногти у Лю черные, и я знаю, что это не лак. Джек Уэстинг внешне выглядит нормально – светловолосый улыбчивый американский парнишка, по мнению большинства просто прелесть, но если сделать глубокий вдох, проходя мимо его комнаты, почувствуешь слабый запах морга. Я, во всяком случае, чую. Луиза, которая жила через три двери от Джека, исчезла в начале года, и никто не знает, что с ней случилось. Само по себе это не так уж странно, но я уверена, что останки Луизы можно найти в его комнате. У меня настоящий нюх на такие вещи, хотя я бы предпочла обойтись без этого.

Если я сдамся и начну использовать малию, меня, скорее всего, вынесет отсюда на ужасных черных крыльях демонических тварей (не сомневаюсь, какие-нибудь крылья обязательно будут). Шоломанча любит выпускать злодеев в мир: школа почти никогда их не убивает. Это нам, остальным, достаются пожиратели душ, выскакивающие из-под двери, и ваурия, которая выползает из сливного отверстия в душе и обвивается вокруг щиколоток, и тексты, от которых вытекают глаза. Даже Орион не в состоянии спасти всех. Как правило, меньше четверти класса доживают до выпуска; а восемнадцать лет назад – полагаю, не случайно примерно в то же время был зачат Орион – выпустились всего двенадцать человек, сплошь малефицеры. Они сбились в шайку и вывели из строя остальных выпускников, чтобы получить большую дозу силы.

Разумеется, родные прочих учеников поняли, что произошло (не догадаться было трудно: эти дебилы не дали спастись ребятам из анклавов), и прикончили всю компанию. Через год, к тому времени, когда мама окончила школу, в живых уже не осталось никого. Так завершилось существование «Рук Смерти» – ну или как там они себя называли.

Но если ты ловкий собиратель малии, ночной хищник, который благоразумно выбирает жертву и уходит незамеченным, двигаться некуда, кроме как вниз. Очаровательный Джек ворует жизненную силу у людей, а значит, он начнет гнить изнутри в первые же пять лет после выпуска. Не сомневаюсь, у него есть грандиозные планы насчет того, как отсрочить распад – малефицеры всегда продумывают запасные варианты, – но вряд ли он всерьез понимает масштаб. Если только Джек не выдумает что-нибудь особенное, через десять-пятнадцать лет он эффектно рухнет кучкой гнили. Тогда люди перекопают погреб у него в доме и найдут сотню трупов, и все будут пожимать плечами и говорить: «Ну надо же, а казался таким милым молодым человеком».

Впрочем, разбирая страницу за страницей весьма специфические домашние заклинания на древнеанглийском языке, написанные неразборчивым почерком, я признавала, что сама бы не отказалась от порции малии. Если уж мне суждено умереть молодой и невинной (в другом смысле), это хотя бы будет не зря.

Тем временем у меня за спиной лужица, оставшаяся от пожирателя душ, продолжала выпускать пузырьки газа. Каждый из них напоминал отдаленную вспышку молнии – он лопался, и только потом ужасающая вонь достигала моего носа.

Я провела целый день за работой, готовясь к итоговым контрольным. До конца семестра осталось три недели; если положить руку на стену в душевой, можно ощутить слабую вибрацию шестеренок: механизм разогревается, готовясь переместить нас на один оборот вниз. Аудитории остаются на одном месте, в центре, а дортуары с каждым годом опускаются все ниже, совсем как громадная металлическая гайка, вращающаяся на винте, и выпускники оказываются в самом низу. В следующем году мы попадем на нижний ярус – и это не то, о чем мечтаешь. Я совершенно не жажду провалить экзамены и взвалить на себя, в довершение ко всему, дополнительную нагрузку.

Я так прилежно трудилась весь вечер, что спина, шея и пятая точка начали болеть. Я сидела над книгой и шурилась, разбирая строки, пока лампа на столе не стала мигать; рука, которой я придерживала словарь древнеанглийского языка, совсем онемела. Мысль призвать стену смертоносного огня и испепелить останки пожирателя душ, книгу чар, словарь, стол и так далее казалась все привлекательнее.

Конечно, *можно* стать малефицером надолго. У Лю все будет в порядке – она гораздо осторожнее, чем Джек. Держу пари: в качестве личных вещей она привезла с собой мешок с хомячками и приносит их в жертву по графику. Она, образно выражаясь, выкуривает пару сигарет в неделю, а не четыре пачки за день. Но Лю может себе это позволить, потому что она не одиночка. У нее большая семья – пока не настолько большая, чтобы создать собственный анклав, но близко к тому. И, по слухам, там хватает малефицеров: для них это осознанная стратегия. У Лю есть двоюродные братья-близнецы, которые поступят в школу на следующий год, и с помощью малии она сможет защищать их до окончания младшего класса. А после выпуска у Лю будут разные варианты. Если она захочет, то может вообще отказаться от колдовства, найти какую-нибудь обыкновенную работу, чтобы хватало на жизнь, и положиться на родных, которые будут колдовать за нее. Лет через десять она достаточно окрепнет физически и снова начнет пользоваться маной. Или станет профессиональным малефицером – ведьмой, которой анклавы платят кругленькую сумму за выполнение трудной работы (и никто не спросит, откуда она берет силу). Если она не будет делать ничего чрезмерного (типа заниматься массовым уничтожением), то, скорее всего, выживет.

Но у меня нет родных, не считая мамы, и уж точно нет анклава, готового мне помогать. Мы живем в коммуне «Радужное сознание» неподалеку от города Кардиган, в Уэльсе. Там есть шаман, два целителя, несколько виккан и труппа исполнителей народных танцев; количество подлинной силы у всех примерно одинаковое (то есть ноль). И все они пришли бы в ужас, если бы увидели, как мама или я колдуем по-настоящему. Особенно я. Мама натанцовывает ману с компанией добровольцев – я говорила ей, что нужно брать с людей деньги, но бесполезно, – а потом выпускает ее: искорки, счастье, тра-ля-ля. Люди кормят нас, потому что любят маму – а кто ж ее не любит? Члены коммуны выстроили ей юрту, когда она пришла к ним прямо из Шоломанчи, на третьем месяце беременности, но они не помогут мне колдовать и не защитят от клубящихся вокруг злых чар. Если бы и могли, то не стали бы. Они меня не любят. Никто не любит, кроме мамы.

Мой отец погиб в школе во время выпуска, дав маме уйти. Мы называем это выпуском, потому что так выражаются американцы, а они в последние семьдесят лет в основном и содержат школу. Кто платит, тот и заказывает музыку, сами понимаете. Только не подумайте, что это праздничный бал. Выпуск – это когда все ученики последнего класса вываливаются в зал, расположенный в самом низу, в недрах школы, и пытаются пробиться наружу сквозь ряды голодных злыдней, которые их там поджидают. Удастся уйти примерно половине класса – то есть половине тех, кто в принципе дожил до выпуска. Папе не удалось.

У него есть родные; они живут где-то возле Мумбая. Когда мне исполнилось пять лет, мама попыталась их отыскать. Они с папой не стали обмениваться контактами и строить планы на будущее. Это было бы слишком благоразумно. Они встречались всего четыре месяца, но уже не сомневались, что каждый нашел свою вторую половину и что любовь проложит для них путь за ворота школы. В общем, у мамы как-то так и получилось.

Короче говоря, когда она все-таки разыскала папиных родственников, оказалось, что они богаты: у них были дворцы, драгоценности, рабы-джинны и все такое. Что еще важнее по маминим меркам – они происходили из древнего индийского анклава, уничтоженного во времена британского владычества, и строго придерживались правил. Они не ели мяса, не говоря уж о том, чтобы пользоваться малией. Мама охотно поселилась бы с ними, и они тоже были страшно рады нас приютить. Они понятия не имели, что случилось с папой. В последний раз они получали от него весточку в предпоследнем, старшем классе. Выпускники собирают записки от нас за неделю до выхода. Я сделала несколько копий и раздала ребятам из лондонского анклава. Коротко и мило: «Еще жива, учусь хорошо». Приходится писать коротко, чтобы никто под уважительным предлогом не отказался вложить мою записку в свой конверт. Иначе непременно откажутся.

Папа послал такую записку своим родным, поэтому они знали, что он дотянул до старшего класса. Но домой он так и не вернулся. Один из сотен ребят, чью жизнь выбросили на помойку. Когда мама наконец разыскала папиных родственников и рассказала им обо мне, они решили, что обрели частичку покойного сына, и прислали нам билеты на самолет. Мама попрощалась с друзьями по коммуне и собрала наши немногочисленные пожитки.

Но когда мы прилетели, моя прабабушка, взглянув на меня, впала в пророческий транс и сказала, что я нечистая душа и если мне не помешать, я принесу гибель анклавам по всему миру. Мой дед и его братья решили это сделать. Тогда у мамы в первый и в последний раз в жизни отказали тормоза. Я смутно помню, как она стояла посреди комнаты, которую нам отвели, а четверо мужчин неуклюже пытались сдвинуть ее с места и забрать меня. Не знаю, что они собирались со мной сделать – ни один из них сознательно не причинил бы вреда и мухе, – но, похоже, прабабушка увидела что-то *очень* жуткое.

Они начали спорить с мамой, а потом вдруг всю комнату наполнил ослепительный свет, от которого стало больно глазам. Мама подхватила меня на руки вместе с моим одеяльцем и вышла из дома, босиком и в ночной рубашке, а папины родственники с несчастным видом стояли вокруг и не смели к ней прикоснуться. Мама дошла до ближайшего шоссе, подняла руку, и проезжавший мимо водитель подобрал нас и отвез в аэропорт. Там один богатый бизнесмен, собираясь взойти на борт частного самолета, увидел, как она стоит в вестибюле аэропорта со мной на руках, и предложил подбросить ее в Лондон. Он до сих пор каждый год на неделю приезжает в коммуну, чтобы почистить ауру.

Вот какой человек моя мама. А я совсем другая. Прабабушка была всего лишь первой из длинной череды людей, которые, увидев меня, переставали улыбаться, прежде чем я успевала сказать хоть слово. Никто и никогда не предлагал меня подвезти или потанцевать со мной в лесу, чтобы помочь мне собрать ману, и не снабжал едой, и, самое главное, не бился плечом к плечу против мерзких злыдней, которые постоянно охотятся за волшебниками в поисках добычи. Если бы не мама, меня бы выжили из коммуны. Вы не представляете, сколько милых людей – тех, кто писал гневные письма политикам и регулярно протестовал против социальной несправедливости в отношении летучих мышей, – бодро сказали мне, четырнадцатилетней, как я, наверное, рада поехать в школу (ха-ха) и как, наверное, хочу впоследствии пойти своим путем, повидать мир и все такое.

Пожалуй, я и так не горю желанием возвращаться в коммуну. Человек, сам этого не испытывавший, не поймет, как ужасно жить в окружении людей, которые верят буквально во все – от лепреконов до Санта-Клауса, но никак не могут поверить, что ты в самом деле умеешь колдовать. Я буквально в лицо людям тыкала своим умением – или, по крайней мере, пыталась: нужна уйма маны, чтобы просто разжечь огонь, когда на тебя смотрит зауряд, твердо уверенный, что ты спрятала в рукаве зажигалку. Но даже если тебе удастся сотворить эффектное колдовство и люди скажут: «Ого, как здорово», на следующий день они решат, что перебрали с грибочками. И еще старательнее будут тебя избегать. Я хочу вырваться из школы, но и жить в коммуне тоже не хочу.

Нет. Неправда. Я постоянно мечтаю о возвращении домой. Каждый день я становлюсь напротив вентиляционного отверстия в стене – на безопасном расстоянии и в то же время достаточно близко, чтобы ощущать движение воздуха, – зажимаюсь, закрываю руками лицо, чтобы не чують вонь перегорелого масла и застарелого пота, и представляю, что дышу запахом сырой земли, сушеного розмарина и жаренной в масле морковки. Что это ветер шумит в деревьях, а солнце зашло за тучку, и что если я открою глаза, то окажусь на лесной полянке...

Я охотно поменяла бы свою комнату на юрту в лесу, даже после двухнедельного дождя, когда все вещи отсыревали. Это показалось бы приятным разнообразием после благоухания пожирателя душ. Я скучаю по тем людям. Самой не верится, но после трех лет пребывания в

школе я бы обняла даже Филиппу Вокс, если бы увидела ее кислую физиономию с поджатыми губами.

Ну ладно, не обняла бы. Скорее всего, стоит мне провести дома неделю, мои чувства станут прямо противоположными. Ясно, что соседи меня просто терпели. И, возможно, их терпение лопнет, если после школы я снова попытаюсь там поселиться. Совет коммуны – с Филиппой в качестве председателя – скорее всего, изобретет какой-нибудь предлог, чтобы меня вытурить. Речь о «негативной ауре» заходила уже не раз, иногда и в моем присутствии. И тогда я загублю мамину жизнь, потому что она уйдет из коммуны не задумываясь, лишь бы не расставаться со мной.

Еще до того как я попала в Шоломанчу, было ясно, что мой единственный шанс на приличное существование, хоть в какой-то мере – это войти в анклав (если, конечно, я выберусь отсюда живой). Независимые чародеи живут неплохо, если имеют друзей – сообща можно собирать ману, защищаться, работать и так далее. Но даже если бы окружающие меня любили и были готовы мне помогать (а этого никто и никогда не хотел), я не принесу им пользы. Обычным людям нужна половая тряпка, а не пусковая установка – а я уже два часа тщетно пытаюсь найти заклинание для мытья полов.

Но если ты живешь в шикарном анклав из пары сотен волшебников и вдруг из недр ближайшей пещеры выползает смертоносный змей или другой анклав объявляет вам войну, очень приятно видеть рядом человека, способного перерезать горло корове и призвать на помощь все силы ада. Иметь в анклав обладателя таких способностей – значит не бояться, что на тебя нападут или что самому придется приносить в жертву корову и терять пять лет жизни.

А главное – мама не будет плакать.

Но все это зависит от репутации. Никто не пригласит меня в анклав или хотя бы в команду к выпуску, если ребята решат, что я вечная дева в беде, которую должен спасать школьный герой. Из любви ко мне это уж точно не сделают. А Орион вообще не нуждается в том, чтобы утверждать свою репутацию. Он не простой член анклава. Его мать – одна из основных претенденток на место следующей Госпожи Нью-Йорка; в настоящее время это самый сильный в мире анклав. А отец Ориона – маг-мастер. Орион может особо не беречься, делать лишь минимум заданий, а потом, выйдя из школы, провести жизнь в покое и роскоши, среди первоклассных волшебников и самых удивительных артефактов.

Вместо этого он изображает из себя невесту что. Пожиратель душ, растекшийся на полу в моей комнате, – четвертое его героическое деяние за неделю. Орион спасает всех школьных тупиц и слабаков, не задумываясь о том, кому придется за это платить. Потому что платить обязательно придется. Я каждый день мечтаю вернуться домой, но в то же время прекрасно понимаю, что мне исключительно повезло. Единственная причина, по которой меня допустили в школу, заключается в том, что ее главным образом создал манчестерский анклав и современные британские анклавы удержали за собой право заполнения непропорционально большого числа вакансий. В ближайшие годы ситуация может измениться – шанхайские и джайпурские анклавы с угрозой поговаривают о постройке новой школы в Азии, если не будет перераспределения мест. Но сейчас любой британский подросток, склонный к магии, автоматически включается в список.

Мама могла попросить, чтобы меня вычеркнули, но я не настолько сдурела. Школу создали именно потому, что внешний мир еще *хуже*. Вся черная магия, которая лезет из вентиляционных отверстий, сточных труб и щелей под дверями, происходит не из Шоломанчи – она приходит в Шоломанчу вслед за нами, неопытными юными чародеями, полными свежей маны, которой мы срочно учимся пользоваться. Из учебника «Основы черной магии» я знаю, что наша аппетитность равномерно возрастает в промежутке между тринадцатью и восемнадцатью годами. Можно сказать, что по сравнению с толстой грубой шкурой взрослого волшебника нас покрывает тоненькая сахарная корочка. Это не придуманная мной метафора – так

написано в учебнике, автор которого с удовольствием, в деталях, рассказывает, как сильно злым хочется нас сожрать.

И вот, в туманной дымке конца девятнадцатого века, известный мастер сэр Альфред Купер Браунинг – трудно не запомнить это имя, поскольку оно написано на всех стенах, – придумал Шоломанчу. Как бы меня ни раздражали развешанные повсюду плакаты, школа выглядит очень эффектно. Она соединяется с внешним миром в одном-единственном месте – и это выпускные ворота, которые окружены многочисленными слоями магических защит и хитроумных барьеров. Когда какое-нибудь предприимчивое зло просачивается внутрь, оно попадает лишь в выпускной зал, который соединен с остальной школой минимальным количеством труб и воздушных шахт, необходимых для жизнеобеспечения, и все эти трубы и шахты тоже защищены.

Поэтому злыдни оказываются в ловушке и большую часть времени пытаются прорваться в школу, в процессе убивая и пожирая друг друга; а самые крупные и опасные просто не могут протиснуться наверх. Им приходится торчать в выпускном зале круглый год, поедая мелочь, и ждать выпуска, чтобы хорошенько попировать. В школе до нас гораздо труднее добраться, чем в большом мире, например в юрте. Пока не построили школу, даже ребята из анклавов чаще становились жертвами злыдней, ну а если ты одиночка, которого не взяли в Шоломанчу, твои шансы пережить пубертат – один к двадцати. По сравнению с этим один к четырем – очень приличный расклад.

Но за защиту приходится платить. Мы платим за нее учебой, а еще своими горестями и ужасом, и все это создает ману, которая питает школу. И в первую очередь мы платим жизнями тех ребят, которым не удалось дожить до выпуска. О чем думает Орион? О чем думают все остальные, глядя, как он изображает героя? В конце концов школа выставит счет.

Но никто об этом не думает. В этом году погибло меньше двадцати старшеклассников – обычно около ста, – и все, похоже, считают, что Орион сотворил чудо, что это очень здорово и что желающих попасть в нью-йоркский анклав будет в пять раз больше обычного. Я могу об этом даже не мечтать – мне и лондонский-то анклав вряд ли светит. Это меня страшно бесит, тем более что я практически звезда. Я уже знаю в десять раз больше заклинаний разрушения и владычества, чем весь выпускной класс, вместе взятый. Ничего удивительного, поскольку я получаю штук пять каждый раз, когда хочу вымыть пол.

Есть и плюсы. Сегодня я изучила девяносто восемь полезных домашних заклинаний на древнеанглийском языке, потому что развеять вонь смогло только девяносто девятое, и книга не исчезала, пока я до него не дошла. То и дело школа оказывает себе медвежью услугу, как раз когда придирается и занудствует. Я измучилась, переводя девяносто девять заклинаний, в то время как за спиной у меня булькала вонючая лужа, но в процессе обзавелась некоторыми полезными знаниями.

Через неделю-другую я буду за это благодарна. А сейчас мне нужно встать и пятьсот раз подпрыгнуть на месте – не сбившись и все это время не отрываясь от кристалла-хранилища. Тогда я наберу достаточно маны и вымою пол, случайно никого не убив. Плутовать я не смею. Здесь нет муравьев и тараканов, которых можно было бы высосать досуха, и день ото дня я становлюсь сильнее, как все мы здесь. Учитывая мой дар, не исключено, что я выведу из строя всех соседей, если попытаюсь сжульничать с заклинанием уборки, и в коридоре будет царить стерильная чистота свежепродезинфицированного морга. У меня, конечно, есть запас маны: мама дала мне с собой кристаллы, которые зарядила в своей компании. В них я могу собирать ману – и делаю это при каждой возможности. Но я не собираюсь пользоваться этими кристаллами, чтобы прибраться в комнате. Они нужны на крайний случай, если вдруг сила понадобится немедленно; к тому же это мой запас на выпуск.

Когда пол стал чистым, я сделала еще пятьдесят отжиманий – за последние три года я приобрела неплохую форму – и наложила любимое мамино окуривающее заклинание. Моя

каморка наполнилась запахом жженого шалфея – но лучше так, чем пожиратель. Близился ужин. Нужно было вымыться, но мне страшно не хотелось сражаться с тем, что могло выползти из сливного отверстия в душевой – а что-нибудь обязательно бы выползло, стоило мне туда зайти. Поэтому я переделалась, заново заплела волосы и обтерла лицо водой из кувшина. В остатках воды я прополоскала футболку и повесила ее сушиться. У меня было всего две футболки, и обе уже износились. Мне пришлось сжечь половину одежды на вторую ночь моего пребывания в школе, когда из-под кровати вылезла безымянная тень, а взять ману больше было неоткуда. Благодаря этой жертве я сумела уничтожить тень, не черпая жизненную силу ниоткуда. И Ориону Лейку не пришлось меня спасать, верно?

Невзирая на все усилия, я выглядела так прекрасно, что когда пришла на сборное место (мы, естественно, ходим в столовую группами: идти одному значит напрашиваться на неприятности), Лю взглянула на меня и спросила:

– Что случилось, Эль?

– Наш прекрасный спаситель Лейк решил сегодня расплавить в моей комнате пожирателя душ, а мне пришлось за ним прибираться, – ответила я.

– Расплавить? Фу.

Пусть Лю и темная ведьма, зато она не молится на Ориона. Мне она нравится, хоть она и малефицер; Лю одна из немногих, кто со мной общается. Вариантов у нее больше, чем у меня, но она неизменно вежлива.

К сожалению, тут же был и Ибрагим. Он ждал кого-то из своих приятелей и старательно поворачивался к нам спиной, давая понять, что не желает видеть нас в своей компании. Услышав слова Лю, он повернулся к нам и взволнованно сказал:

– Орион спас тебя от пожирателя душ! – Точнее, пропищал. Орион трижды спасал Ибрагима, который в этом явно *нуждался*.

– Орион загнал пожирателя душ в мою комнату и размазал его по полу, – сквозь зубы произнесла я, – но что толку?

К тому времени, когда к нам присоединились Аадхья и Джек и мы впятером отправились наверх, история уже гласила, что Орион героически спас меня от пожирателя душ. И, понятное дело, к концу ужина (сегодня вырвало только двоих моих одноклассников – мы определенно наострились по части защитных заклинаний и противоядий) об этом узнала вся школа.

В большинстве своем у злыдней нет никаких названий: их слишком много, и они приходят и уходят. Но пожиратели душ – это серьезно: одна-единственная тварь как-то раз сожрала десяток учеников. Это очень скверная смерть, с эффектным световым шоу (со стороны пожирателя) и пронзительными воплями (со стороны жертвы). Я бы упрочила свою репутацию, уничтожив пожирателя – а я вполне могла это сделать. У меня двадцать шесть полностью заряженных кристаллов в резной сандаловой шкатулочке под подушкой; я берегу их именно на такой случай. А полгода назад, когда я пыталась залатать обтрепанный свитер, не прибегая к пытке крючком, я получила заклинание, распускающее душу. Оно разорвало бы пожирателя на части изнутри, и никакого вонючего остатка не было бы – только светящийся дымок. Потом я бы договорилась с Аадхьей, которая специализируется по артефактам и любит странные материалы. Мы бы заставили этот дымок висеть по ночам в коридоре между нашими дверями. Большинство злых чар не любят света. Это преимущество, которое может позволить человеку дожить до выпуска.

Но все, что я в результате получила, – сомнительное удовольствие числиться очередным подопечным Ориона.

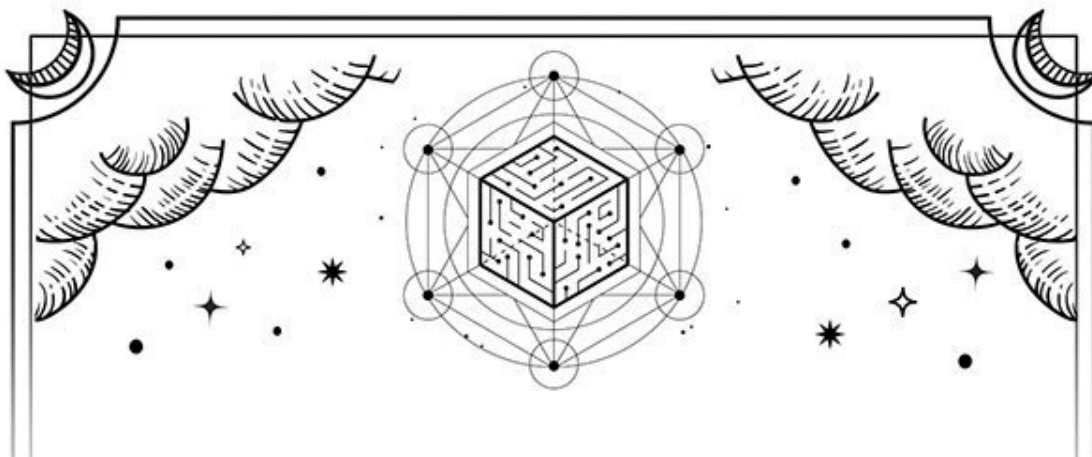
Но, во всяком случае, я как человек, едва избежавший смерти, получила хорошее место за столом. Обычно мне приходится сидеть в дальнем конце полупустого стола вместе с другими школьными париями; а если я сажусь за занятый стол, ребята кучками пересаживаются, пока я не останусь совсем одна, что еще хуже. Сегодня я оказалась за одним из центральных

столов, прямо под ультрафиолетовыми лампами (я уже несколько месяцев не получала витамина D кроме как в таблетках), с Ибрагимом, Аадхьей и десятком других относительно популярных ребят; с нами даже села девочка из малюсенького анклава майя. Но я только сильнее разозлилась, слушая, как они с почтением говорят о чудесах, совершенных Орионом. Кто-то даже попросил меня описать схватку.

– Ну, сначала он загнал тварь в мою комнату, потом взорвал дверь, расплавил пожирателя раньше, чем я успела слово сказать, и оставил на полу вонючую лужу, – сердито отбарабанила я, но вы же сами понимаете, что толку не вышло. Все считают, что он великий герой и общий спаситель. Тьфу.

Глава 2

Мимики

После ужина мне предстояло уговорить кого-нибудь пойти со мной в мастерскую за материалом. Очень скверная идея – оставлять дверь незапертой на ночь, и уж тем более дверь с дырой.

– Случайно, никому ничего не нужно в мастерской? – спросила я, стараясь говорить небрежно.

Никто не купился. Все прекрасно понимали, что мне понадобится вниз – и что злыдни остались без добычи. В школе можно уцелеть, только пользуясь всеми преимуществами; и никто не станет оказывать мне услуги, не потребовав платы вперед.

– Я схожу, – сказал Джек, сверкнув в улыбке белыми зубами.

В присутствии Джека темные твари, выползающие из углов, отступили бы на второй план. Я посмотрела ему прямо в глаза и с особым выражением уточнила:

– Да неужели?

Он помедлил и слегка насторожился, а потом пожал плечами.

– А, нет, извини: вспомнил, что мне нужно закончить волшебную лозу, – бодро сказал он, но глаза у него нехорошо сузились.

Я совершенно не хотела намекать Джеку, что мне известны его тайны. Теперь придется стрясти с него плату за молчание, иначе он решит, что должен меня заткнуть, – и он уж не передумает. Еще одна неприятность, в которую меня втянул Орион.

– Что дашь? – спросила Аадхья.

Она человек прямой и прагматичный – одна из немногих в школе, кто готов заключать со мной сделки. Одна из немногих, кто в принципе готов со мной говорить. Но в таких вещах она довольно цинична. Я ценила в Аадхье то, что она не юлила; но теперь, зная, что я в стесненных обстоятельствах, она не стала бы рисковать собой меньше чем за двойную цену. Кроме того, она бы уж постаралась, чтобы основной риск достался мне.

Я нахмурилась.

– Я пойду с тобой, – сказал Орион из-за соседнего стола, где сидели ньюйоркцы.

С начала ужина он смотрел в тарелку, даже когда все мои соседи шумно пели ему хвалу. Он и раньше так себя вел, и я никогда не могла понять, то ли он кокетничает, то ли и впрямь патологически скромнен, то ли так ужасно застенчив, что не в состоянии ничего сказать людям, которые его хвалят. Орион даже сейчас не поднял голову – он говорил из-под свисающей лохматой челки, глядя в свою пустую тарелку.

Вот и славно. Разумеется, я не собиралась отказываться от бесплатного сопровождения до мастерской, хотя понимала, что выглядеть это будет все так же: Орион защищает меня.

– Тогда пошли, – кратко сказала я и сразу встала.

Здесь, в школе, лучше не медлить, если у тебя появился план. Особенно если ты намерена сделать что-нибудь необычное.

Шоломанча – не вполне реальное место. Здесь настоящие стены, полы, потолки, трубы, которые сделаны в реальном мире из настоящего железа, стали, меди, стекла и собраны соответственно подробным чертежам, развешанным в школе повсюду. Но я абсолютно уверена: если попытаться воспроизвести это здание в центре Лондона, оно не простоит и секунды. Школа существует только потому, что возведена в пустоте. Я бы объяснила вам, что такое пустота, но сама понятия не имею. Если вы когда-нибудь воображали себе наших первобытных предков, которые смотрели в черноту, полную мерцающих светлых точек, гадая, что же там такое... ну, наверное, в этом есть что-то общее с тем, как мы сидим в дортуарах Шоломанчи, глядя в абсолютную тьму вокруг. Охотно сообщаю вам, что ничего приятного и утешительного в этом нет.

Но благодаря тому что школа почти полностью находится в пустоте, скучные законы физики на нее не действуют. И мастерам, строившим ее, было гораздо проще придать школе нужный вид. Чертежи развешаны повсюду, и когда мы смотрим на них, наша вера укрепляет исходную конструкцию – как и хождение по бесконечным лестницам и коридорам, и надежда на то, что аудитории окажутся там, где мы видели их в последний раз, и что вода будет литься из кранов, и что все мы продолжим дышать. Хотя если бы вы попросили инженера взглянуть на школьный водопровод и вентиляцию, он бы совершенно точно сказал, что для нужд нескольких тысяч подростков всего этого физически недостаточно.

Это, конечно, очень здорово и чрезвычайно умно со стороны сэра Альфреда, но проблема жизни в поддающемся убеждению пространстве заключается в том, что оно поддается *всему*. Когда ты бежишь по лестнице вместе с шестью одноклассниками, отчего-то дорога до аудитории оказывается вдвое короче. Но ползучее ощущение тревоги, которое вселяется в тебя, если нужно спуститься в сырой неосвещенный подвал, полный паутины, где *наверняка* обитает нечто ужасное, тоже воздействует на школу. Злыдни охотно подкрепляют это убеждение. Каждый раз, когда ты делаешь что-нибудь из ряда вон выходящее, например в одиночку идешь в мастерскую после ужина (в это время никто не пойдет вниз по доброй воле), лестница может завести тебя в такое место, которого нет на чертежах. И ты не обрадуешься встрече с тамошними обитателями.

Поэтому, как только ты понимаешь, что нужно сделать что-то необычное, принимайся за дело поскорее. Не давай себе (и школе) времени задуматься. Я устремилась к ближайшей лестничной площадке, а когда мы с Орионом отошли подальше от остальных, процедила:

– Что именно в словах «отвали от меня» тебе непонятно?

Орион шел рядом со мной, ссутулившись и сунув руки в карманы; но тут он вскинул голову:

– Но... ты сама сказала: пошли...

– То есть нужно было послать тебя при всех после того, как стало известно, что ты меня типа спас?

Он остановился посреди лестницы и начал:

– Я...

Мы находились между этажами, далеко от площадки, и ближайшим источником света, еще не до конца потухшим, была шипящая газовая лампа в двадцати шагах за спиной. Наши тени падали на ступеньки перед нами. Остановиться хоть на долю секунды значило напроситься на неприятности.

Я продолжала идти – потому что я не дура – и уже спустилась на две ступеньки, когда поняла, что Орион застыл на месте. Пришлось схватить его за руку и потянуть:

– Не сейчас. Что с тобой такое? Нарываешься на встречу с новыми прекрасными злыднями?

Он покраснел и зашагал следом, еще упорнее глядя в пол. Моя реплика не блистала остроумием, но, похоже, мне удалось его уязвить.

– Тех, что сами к тебе лезут, недостаточно?

– Не лезут, – коротко сказал он.

– Что?

– Они ко мне не лезут. Никогда!

– Что, злыдни на тебя не нападают? – негодуя спросила я. Он дернул плечом. – А откуда тогда взялся пожиратель душ?

– Я просто вышел из душевой! И увидел, как его хвост исчезает у тебя под дверью.

Значит, Орион действительно меня выручил. Час от часу не легче.

Пока мы шагали вниз, я усиленно размышляла над его признанием. Конечно, в этом есть своя логика: зачем чудовищу нападать на великого героя, который с легкостью разнесет его на части? Но позиция Ориона была мне непонятна.

– И ты решил прославиться, спасая остальных?

Он снова пожал плечами, не глядя на меня. «Нет».

– Тебе что, *нравится* драться со злыднями? – продолжала я, и Орион опять покраснел. – Ты какой-то очень странный.

– А ты разве не любишь упражнять свою способность? – спросил он.

– Моя способность – массовое уничтожение. У меня мало возможностей потренироваться.

Он фыркнул, как будто я пошутила. Я не стала его убеждать. Нетрудно заявить, что ты могущественная темная колдунья: никто не поверит, пока не получит доказательства, причем неопровержимые.

– В любом случае – откуда ты берешь силу? – Я часто об этом задумывалась. Любая способность упрощает наложение заклинаний определенного типа, но все-таки даром это не дается.

– У них. У злыдней. Я убиваю чудовище и забираю силу, чтобы наложить следующее заклинание. Или, если запаса мало, немножко одалживаю у Магнуса, или у Хлои, или у Дэвида...

Я скрипнула зубами:

– Понятно.

Он назвал имена других учеников из нью-йоркского анклава. Понятно, что они делятся силой – и конечно же у них есть свои артефакты, наподобие моих кристаллов. Не считая того огромного хранилища, которое наполняли все ньюйоркцы в течение последних ста лет. У Ориона буквально был аккумулятор, откуда он мог черпать энергию для подвигов; а если он извлекал ману из убитых злыдней (но *как?*), возможно, он даже не нуждался во внешних резервах.

Мы достигли этажа, на котором находилась мастерская. Ниже был этаж выпускного класса, и оттуда на лестницу пробивалось слабое сияние. Но в коридоре с аудиториями царила непроглядная чернота: свет не горел. Я мрачно заглянула в арку, когда мы ступили на площадку. Вот к чему привели несколько секунд колебания. И если злыдни не охотились за Орионом – значит, все притаившееся в коридоре должно напасть на *меня*.

– Я пойду первым, – предложил он.

– Даже не сомневайся. И свет тоже будешь держать.

Орион не стал спорить, просто кивнул, вытянул левую руку и зажег ее, используя облегченную версию испепеляющего заклинания, которым он убил пожирателя душ. У меня задер-

гался глаз. Он собирался вот так взять и зайти в коридор! Я оттащила Ориона, осмотрела потолок и пол, потыкала в стены. Обедатели, которые некоторое время голодали, прозрачны, и если такая тварь распластается тонким слоем по поверхности, ее не заметишь, пока она не обернется вокруг тебя. Через эту площадку проходит много народу, поэтому у обедателей она пользуется популярностью. В начале года им попался один среднеклассник, бегущий на урок; он потерял ногу и почти всю левую руку. После этого он долго не продержался.

Но вокруг площадки было чисто. Я никого не заметила, кроме липуна, прячущегося под одной из газовых ламп – размером не больше мизинца, поэтому даже время на него не стоило тратить. К его панцирю прилипли только две гайки, половинка леденца и колпачок от ручки. Он в ужасе засеменил прочь по стене и нырнул в вентиляцию. Никто на него не отреагировал. Это был нехороший знак. Вечером, в темном коридоре рядом с мастерской, просто обязано таиться *что-нибудь*.

Разве что впереди ожидал настоящий монстр, распугавший мелочь.

Я положила ладонь на плечо Ориону и обернулась; так мы и зашагали к мастерской. Лучший способ перемещения для пары, если грозит неопределенная опасность. Большинство аудиторий были приоткрыты – ровно настолько, чтобы поворачивающаяся дверная ручка не успела нас встревожить, но недостаточно, чтобы мы могли заглянуть в помещение, мимо которого проходили (а их были десятки). Не считая мастерской и спортзала, почти весь нижний ярус занимают маленькие классные комнаты, где у выпускников проходят специализированные семинары. Но они заканчиваются в первом семестре; последние полгода все старшие неустанно готовятся к выпуску – а опустевшие аудитории становятся идеальным укрытием для злыдней.

Орион следил за дорогой, и доверять ему в этом было сложно. По неосвещенному коридору он шел слишком невнимательно, а когда подошел к мастерской, то просто открыл дверь и шагнул внутрь, прежде чем я успела понять, что он делает. Выбор был либо следовать за ним – либо остаться в темном коридоре одной.

Ступив за порог, я схватила Ориона за футболку, чтобы притормозить, и мы остановились прямо за дверью. Яркий свет его руки отражался от блестящих зубьев пилы, тусклого железа тисков, сверкающей обсидиановой черноты молотов, глянцевитой поверхности столов и стульев, стоящих аккуратными рядами. Газовые лампы превратились в крошечные синие точки. Приземистые кузнечные горны в конце каждого ряда вспыхивали сквозь решетку маленькими оранжево-зелеными огоньками. Другого света не было. Мастерская казалась переполненной, хотя в ней не было ни души. Обстановка занимала слишком много места, словно стулья умножились. Мы все ненавидели мастерскую. Даже алхимические лаборатории были лучше.

Мы простояли неподвижно целую минуту – ничего не произошло, – и наконец я нарочно наступила Ориону на пятку.

– Ой.

– Извини, – неискренне сказала я.

Он уставился на меня, явно не желая играть роль половика.

– Просто возьми то, что нужно, и пошли, – сказал он, будто это так просто – сойти с ума и начать рыться в ящиках.

Орион повернулся к стене и щелкнул выключателем. Свет, естественно, не зажегся.

– Иди за мной, – велела я и подошла к ящикам с обрезками металла.

Я взяла висящие сбоку длинные клещи и осторожно открыла крышку. Потом сунула внутрь руку, достала четыре большие плоские пластины, хорошенько их потрясла и постучала ими о край ближайшего стола. Сама я сразу бы столько не унесла, но я подумала, что заставлю Ориона помогать – и тогда мне будет чем поторговаться в следующий раз.

Забрав железо, я не пошла за проволокой, потому что это было слишком очевидно; вместо этого я приказала Ориону достать из другого ящика пригоршню винтов, гаек и шурупов. Они не особенно пригодились бы при починке двери, но стоили недешево – значит, я могла обменять их у Аадхьи на проволоку, которая у нее точно была, и еще немножко у меня бы осталось. Я сунула их в карманы брюк.

Ничего не поделаешь – нужно раздобыть плоскогубцы.

Сундуки с инструментами – громадные, приземистые, толщиной с человеческое туловище (угадайте, что находили внутри пару раз с моего поступления в школу). Нельзя забрать с собой инструменты, которыми пользуешься на уроке: если попытаешься – будет плохо. Взять что-либо для личного пользования можно только после занятий, и это один из верных способов умереть, поскольку твари, которые забираются в сундуки с инструментами, очень неглупы. Если открыть крышку неосторожно...

Пока я продолжала обдумывать стратегию, Орион протянул руку и откинул крышку. Внутри не было абсолютно ничего, кроме аккуратно разложенных молотков, разнообразных отверток, гаечных ключей, ножовок, плоскогубцев... было даже сверло. И ничто из перечисленного не выпрыгнуло, чтобы ударить Ориона по голове, оторвать ему пальцы или выбить глаз.

– Достань плоскогубцы и сверло, – сказала я, подавив бурлящую внутри зависть. Нужно извлечь из ситуации максимум пользы.

Сверло. Ни у кого в нашем коридоре сверла не было. Никто, кроме выпускников-мастеров, его даже не видел больше одного-двух раз.

Вместо этого Орион схватил два молотка, ловким движением развернулся и запустил один из них в темноту за моей спиной, прямо в лоб твари, в которую превратился обыкновенный металлический стул. Теперь это было текучее серое пятно с челюстями, полными зазубренных серебристых зубов в том месте, где сиденье стула переходило в спинку. Я нырнула Ориону под руку, захлопнула крышку сундука и заперла ее, прежде чем что-нибудь успело оттуда вылезти, а потом повернулась и увидела, как еще четыре стула выпустили ножки и устремились к нам. Их было *слишком* много.

Орион напевал кузнечное заклинание. Ближайший к нам мимик начал светиться алым, и Орион ударил его вторым молотком, пробив громадную дыру в боку. Из зубастой пасти вырвался скрипучий пронзительный вопль, и тварь опрокинулась. Но остальные тем временем выпустили острые как ножи конечности и бросились на *меня*.

– Берегись! – крикнул Орион.

Что толку кричать? Я их и так видела.

Я знала жуткое заклинание, способное расплавить кости врагов – в данных обстоятельствах оно бы идеально подошло, если бы я была готова пустить на ветер цистерну маны и если бы вместе с врагами не расплавился и Орион. Оставалось только одно. Я выкрикнула домашнее заклинание на древнеанглийском и отскочила в сторону: все четыре стула-мимики заскользили на мыльном полу и покатались мимо меня прямо к Ориону. Пока он с ними разбирался, я схватила два куска железа и побежала к двери. Проволоку буду наматывать голыми руками, если понадобится.

Не понадобилось. Орион, тяжело дыша, догнал меня на лестнице. Он держал еще два куска железа, плоскогубцы и сверло.

– Большое спасибо, – негодуя произнес он.

На предплечье у него был тонкий кровавый порез.

– Я знала, что ты справишься, – с горечью ответила я.

Подъем до нашего этажа занял целых пятнадцать минут. Мы не разговаривали, и ничто нам не докучало. По пути я постучала к Аадхье, обменяла железо на проволоку и заодно дала понять, что у меня есть дрель. Люди, которые не стали бы меняться со мной, охотно поменя-

лись бы с ней, а если я раздобывала что-то, чего не было у Аадхьи, она обычно за небольшой процент выступала посредником. Затем я велела Ориону стоять на страже и принялась чинить дверь. Дело было нелегкое. Я аккуратно просверлила отверстия в одной железной пластине, примотала ее проволокой поверх дыры, которую оставил в двери Орион, и как следует закрепила. Потом я села, скрутила несколько рядов тонкой проволоки и, поставив на место остатки дверной ручки и замка, закрыла дверь и проделала то же самое изнутри с помощью второго куска железа.

– Почему ты просто не используешь заклинание починки? – осторожно поинтересовался Орион на середине нестерпимо скучного процесса, когда решил посмотреть, с чем я так долго вожусь.

– Я использую заклинание починки, – проговорила я сквозь зубы.

Даже при наличии кусачек и сверла руки у меня тряслись. Орион с нарастающим смущением наблюдал за мной, пока я наконец не просунула в отверстие последний кончик проволоки и, приложив ладони к заделанной дыре, закрыла глаза. Базовую версию заклинания починки учим мы все на занятиях в мастерской. Занятия – единственный способ получить самые важные из основных заклинаний. Починка входит в их число, поскольку в школу ничего нельзя пронести извне, не считая того небольшого, что разрешается взять с собой при поступлении. Но это также и одно из самых трудных заклинаний, с десятками вариаций, в зависимости от материала, с которым ты работаешь, и сложности предмета, который пытаешься починить. Только мастера, специалисты по артефактам, могут справиться безупречно, да и то не с любым материалом.

Но это заклинание хотя бы можно читать на родном языке.

– Чинись, собирайся, моей воле подчиняйся, железо гнись, сталь сгибайся, – сказала я (мы все неплохо подбираем рифмы), сопроводив свои слова шестнадцатью постукиваниями (среднее число между двадцатью тремя, необходимыми для листового железа, и девятью, необходимыми для проволоки). Затем я обратилась к мане, которую собрала, занимаясь этим чертовски кропотливым ручным трудом. Материалы неохотно задвигались. Куски железа превратились в нечто вроде густой замазки, которой я заполнила зияющую дыру в двери. Когда поверхность под моими руками стала гладкой и затвердела, обе дверные ручки издали грубый звук вроде отрывки и наконец встали на место; с громким щелчком выдвинулся засов. Я опустила руки, перевела дух и обернулась.

Орион стоял посреди комнаты, глядя на меня как на экзотическое животное:

– Ты пользуешься только маной? – Он произнес это так, будто я была членом темной секты.

Я гневно взглянула на него:

– Не все умеют извлекать силу из злыдней.

– Но... почему ты не берешь ее... из воздуха, из мебели... у всех ребят ножки кровати в дырках...

Он не ошибся. Плутовать в Шоломанче очень трудно, потому что тут нет мелких животных, у которых можно черпать силу – ни муравьев, ни тараканов, ни мышей, если только ты не принес их с собой, что непросто, поскольку в школу пропускают лишь те вещи, которые физически находятся на тебе в момент входа. Но большинство учеников вытягивают малые количества маны из неодушевленных предметов – высасывают тепло из воздуха или расщепляют деревяшки. Это гораздо проще, чем вытянуть ману из живого человека, тем более из другого чародея. Для большинства, во всяком случае.

– Если я попробую, не получится, – сказала я.

Орион смотрел на меня хмурясь.

– Э... Галадриэль, – произнес он мягко, словно решил, что я сошла с ума. Что я из тех, у кого в школе срывает крышу.

Из-за Ориона у меня и так выдался ужасный день, и это была последняя капля. Я вцепилась в него. Не руками. Я ухватила за его ману, его жизненную силу, и хорошенько дернула.

Большинству волшебников приходится трудиться, чтобы вытянуть силу у живого существа. Существуют особые ритуалы, упражнения на тренировку воли, куклы вуду, кровавые жертвоприношения. *Много* кровавых жертвоприношений. А мне почти не приходится прикладывать усилий. Мана Ориона отделилась от его духа, как рыба на удочке отделяется от воды. Было достаточно потянуть еще немного, и она оказалась бы в моих руках – вся эта аппетитная сила, которую он собрал. Более того, я бы, наверное, могла вытянуть ману и из его друзей по анклаву. Я могла бы высосать их всех.

Когда у Ориона глаза полезли на лоб от ужаса, я отступила, и мана хлынула в него обратно – это было все равно что до предела натянуть резинку, а потом отпустить. Он попятился, вскинул руки, словно готовясь драться. Но я, не обращая на него внимания, с размаху села на кровать и закусила губу. Каждый раз, когда я вот таким образом даю себе волю, мне кажется, что я гнию изнутри. Меня точно дразнят, показывая, как все будет просто, если я поддамся.

Орион по-прежнему стоял в углу подняв руки, и вид у него был довольно нелепый – я ведь ничего не делала.

– Ты малефицер! – сказал он, словно пытаюсь побудить меня к действиям.

– Я знаю, тебе это нелегко, – ответила я сквозь зубы, подавляя рыдания, – но перестань быть идиотом хоть на пять минут. Будь я малефицером, я бы высосала тебя досуха еще внизу и сказала бы всем, что ты погиб в мастерской. И никто бы ничего не заподозрил.

Похоже, это его не успокоило.

Я потерла лицо испачканной рукой и безутешно добавила:

– Кроме того, будь я малефицером, я бы просто высосала вас всех и получила всю школу в свое распоряжение.

– Да кому это надо? – помолчав, спросил Орион.

Я фыркнула. Как ни странно, он был прав.

– Малефицеру, конечно!

– Даже малефицеру не надо, – возразил он.

Орион опустил руки, но держался настороженно – он отступил еще на шаг, когда я встала. Я скакнула в его сторону, скрючив пальцы как когти, и выкрикнула:

– У-ух!

Орион сердито уставился на меня. А я стала наводить порядок. Остатки железа я засунула под матрас – там они точно не превратятся за ночь во что-нибудь малоприятное. Сверло и кусачки вместе с двумя ножами и моей маленькой драгоценной отверткой я прочно привязала к крышке сундука с вещами. Если держать предметы привязанными к крышке изнутри, то если они освободятся, ты заметишь болтающиеся ремни, едва приоткрыв крышку. Я регулярно их проверяю, поэтому вещи у меня уже давно не сходили с ума. Школа времени не теряет.

Потом я хорошенько вымыла руки и лицо; воды в кувшине осталось на донышке.

– Если ждешь благодарности, ждать придется долго, – вытершись, предупредила я Ориона.

Он по-прежнему стоял в углу и смотрел на меня:

– Да, я понял. А ты не шутила насчет своей способности. Так ты кто: малефицер, который пользуется только маной?

– Не гони. Я никакой не малефицер, но лучше не провоцируй. – Я старалась выражаться как можно яснее, поскольку сложных фраз Орион, очевидно, не понимал. – Иди отсюда. В любом случае, скоро отбой.

После отбоя лучше не оказываться в чужой комнате. Иначе мы бы поселились по двое и по трое и караулили по очереди, не говоря уж о том, что выпускники выдворили бы младших с верхнего этажа и оттянули бы выпуск на год-другой. Видимо, именно так и случилось, когда

ученики обнаружили, что внизу, в выпускном зале, ждет орда злыдней. Не знаю, что за фокус провернули строители школы, но комната, в которой присутствует более одного человека, превращается в настоящий магнит для злыдней. И даже не надейся, что успеешь выскочить в коридор и добежать до своей спальни, когда поймешь, во что влип. В младшем классе две девочки, жившие по соседству со мной, попытались это проделать. Одна долго вопила прямо у меня под дверь. Вторая даже не сумела выбраться из комнаты. Короче, ни один человек в здравом рассудке не станет так рисковать.

Орион, продолжая пялиться на меня, отрывисто спросил:

– Что случилось с Луизой?

Я немного растерялась... а потом до меня дошло.

– Ты думаешь, я ее убила?

– Это точно не злыдни, – сказал он. – Она жила рядом со мной – и исчезла ночью. Я бы знал. Я уже дважды защищал ее от них.

Я задумалась. Если ему сказать – он накинется на Джека. С одной стороны, Джек, возможно, перестанет быть проблемой. С другой – если Джек будет все отрицать, а он будет, – моей проблемой станут они оба. В отсутствие доказательств рисковать не стоило.

– Просто поверь, что это не я. Между прочим, в школе есть практикующие малефицеры. В выпускном классе их минимум четверо.

Вообще-то их было шестеро, но трое практиковали открыто. Сказав «четверо», я намекнула, что обладаю неким тайным знанием – достоверным, но не таким масштабным, чтобы стоило допытываться.

– Иди подерись с ними, если тебе недостаточно спастись всякую бестолочь от злыдней.

Его лицо окаменело.

– Знаешь, учитывая, что я дважды спас *тебя*... – начал он.

– Трижды, – холодно перебила я.

Орион явно смутился:

– Э...

– Химера в конце прошлого семестра, – еще холоднее произнесла я.

Раз уж он меня запомнил – пусть хотя бы запомнит без ошибок.

– Целых три раза! Между прочим, ты могла бы...

– Нет, не могла.

Он замолчал и покраснел. До сих пор, кажется, я не видела, как Орион злится: он только сутулился и смущался – либо бросался в бой.

– Я не просила тебя о помощи. Я в ней не нуждаюсь. На нашем курсе осталось больше тысячи учеников, и все они перед тобой преклоняются. Если тебе нужно обожание – иди к ним.

В коридоре зазвонил колокол: пять минут до отбоя.

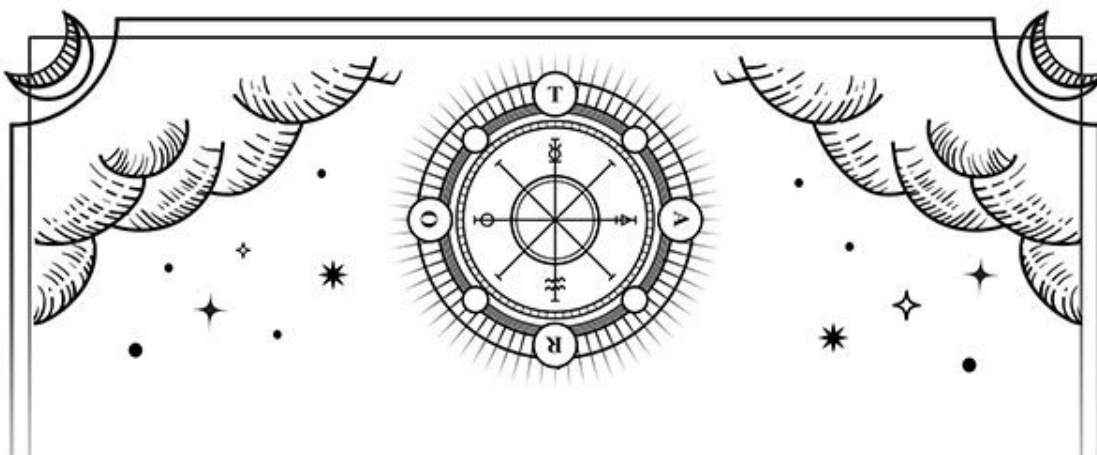
– А если не нужно – все равно катись!

Я схватилась за дверную ручку, щелкнула блестящим новеньким – ну, допустим, тусклым новеньким – замком и распахнула дверь.

Орион явно пытался придумать колкий ответ, но тщетно. Видимо, к нему редко обращались с такими предложениями. Поборовшись с собой, он насупился и вышел.

С восторгом сообщаю вам, что захлопнула дверь прямо у него за спиной.

Глава 3 Малефицер

Я была измучена, однако провела еще полчаса, делая приседания и собирая ману, чтобы воздвигнуть защитный барьер вокруг кровати. Я не могу позволить себе ставить его каждую ночь, но сегодня я совсем вымоталась и нуждалась в защите, чтобы не стать легкой добычей. Поставив барьер, я забралась в постель и заснула мертвым сном – не считая трех раз, когда я просыпалась от предостерегающего подергивания проволочных растяжек вокруг двери; оно и неудивительно, но войти никто всерьез не пытался.

На следующее утро ко мне постучала Аадхья и предложила вместе пойти в душ и на завтрак, что было очень любезно с ее стороны. Я задумалась, с чего бы это. Сверло не было настолько ценным. Благодаря обществу Аадхьи я смогла принять душ впервые за неделю и заново наполнить кувшин. И она даже не попыталась потребовать с меня платы – конечно, не считая того, что я тоже покараулила, пока она мылась.

Все стало ясно, когда мы зашагали в столовую.

– Так, значит, вы с Орионом вчера уединились в мастерской, – сказала она преувеличенно небрежным тоном.

Только усилием воли я не остановилась как вкопанная:

– Это не было свиданием!

– Он даже не попросил поделиться? – спросила Аадхья, метнув на меня взгляд.

Я скрипнула зубами. В моем случае этот общепринятый способ отличать свидание от сделки вряд ли бы помог.

– Он вернул долг.

– Ну ладно, – сказала Аадхья и тут же спросила: – Орион, ты идешь завтракать?

Он как раз закрывал за собой дверь комнаты, и я сразу сообразила, что, вероятно, она поутру привязала проволоку к *его* двери, чтобы знать, когда он пойдет чистить зубы. Она пыталась пообщаться с Орионом через *меня*. Это было бы забавно, если бы не внушило мне желания дать Аадхье по башке. Чего доброго, все решат, что я нуждаюсь в помощи Ориона.

– Пойдем вместе?

Он взглянул на меня – а я на него, думая «Отвяжись! Отвяжись!» – и непонятно зачем сказал:

– Конечно.

Орион не нуждался в компании – наверняка он согласился пойти с нами просто назло мне. Он зашагал справа от Аадхьи, а я слева, одновременно обдумывая месть. Отстать от них

я не могла, потому что в коридоре было пусто и я оказалась бы идеальной мишенью. Завтрак и вполноценно не так опасен, как ужин, но все-таки не стоит ходить поодиночке. Надежда хорошим спутником не является.

– Вчера в мастерской было что-нибудь странное? – спросила Аадхья. – У меня сегодня утром занятие по металлообработке.

– Да нет, ничего особенного, – ответил он.

– Ты с ума сошел! – крикнула я.

Никто не обязан лезть из шкуры вон, спасая других – каждый сам о себе заботится, – но если начнешь утаивать информацию и сбивать людей с толку – жди неприятностей. По мнению большинства учеников, это еще хуже, чем быть малефицером.

– В мастерской торчали пять мимиков, прикинувшихся стульями, – сказала я Аадхье.

– Я же их убил! – возмущенно заявил Орион.

– Не факт, что там не было других, которые ждали обедков, – ответила я, с отвращением покачивая головой.

Аадхью это не порадовало. Я бы тоже не обрадовалась, если бы мне пришлось идти в мастерскую, где теоретически околачивались мимики. Но, владея информацией, она хотя бы могла позаботиться о том, чтобы не стать для них первым блюдом. К примеру, закрыть спину щитом.

– Я займу стол, а вы идите за подносами, – сказала она, когда мы вошли в столовую.

По мне, Аадхья слишком хитрая. Впрочем, я ее не виню. Если уж представилась возможность подружиться с Орионом, зачем ее упускать? Родные Аадхьи живут в Нью-Джерси; если она попадет в нью-йоркский анклав, то, возможно, сумеет перетащить их всех. А я не могу позволить себе отшить одного из немногих людей, которые не отказываются иметь со мной дело. Я угрюмо встала в очередь и нагрнула поднос для нас обеих, слабо надеясь, что Орион заметит кого-нибудь из друзей по анклаву и отстанет от нас. Но вместо этого он положил на свой поднос пару яблок, а потом простер руку над моей головой и, произнеся «*C'est temps dissoudre par coup de foudre*», испепелил щупальце, которое высунулось из-под подноса с необыкновенно аппетитной яичницей. Оно растворилось с тошнотворной вонью; в воздухе повисло зеленое облако, которое немедленно осело на яичницу.

– Это самое дурацкое заклинание из всех, что я слышала, и произношение у тебя ужасное! – гнусаво произнесла я, обогнула зловонный поднос и направилась к овсянке.

– «Спасибо, Орион, я и не заметила, что этот кровосос собирался мной позавтракать», – сказал Орион. – Не за что, Галадриэль, не стоит благодарности.

– Я заметила! Он высунулся всего на полсантиметра, и я бы успела положить себе яичницы, если бы ты не влез! Если я к концу старшего класса не набралась ума и не научилась проверять периметр, то даже твое внимание не поможет мне выжить! Ты что, мазохист? Зачем ты продолжаешь навязывать мне свои услуги?

Я схватила банку с изюмом, накрыла ее блюдцем и встряхнула так, что высыпалось сразу штук двадцать. Старательно потыкав их вилкой, я перешла к банке с корицей, но достаточно было раз потянуть носом, чтобы понять, что корица сегодня не вариант. Сливки тоже никуда не годились: стоило поднести их к свету – и становилась видна синеватая пленка на поверхности. Хорошо хоть тростниковый сахар не испортился.

Я быстро глянула в обе стороны, выйдя из очереди, и понесла оба подноса туда, где сидела Аадхья. Она заняла нам место за третьим столом от двери – достаточно близко, чтобы выбраться, если нас попытаются зажать в столовой, и достаточно далеко, чтобы не оказаться в первых рядах, если кто-нибудь прорвется из коридора. Аадхья зачистила периметр, наложила заклинание безопасности на столовые приборы и даже принесла чистый графин.

– Яичницы не будет – спасибо нашему супермену, – сообщила я, ставя подносы на стол.

– Это был прилипала? Один такой напал на выпускника, как раз перед нашим приходом. – Аадхья кивком указала на стол, где, привалившись к двум товарищам, почти без чувств сидел парень из выпускного класса. Вокруг его предплечья виднелись огромные кровавые следы присосок. Друзья пытались напоить беднягу, но, судя по бледному потному лицу, парень был в шоке, и одноклассники уже обменивались поверх его головы безнадежными взглядами.

Конечно, до конца привыкнуть к этому нельзя, но только самые чувствительные и нежные натуры способны рыдать над потерями накануне выпуска. В это время нужно заключать союзы и планировать стратегию: как бы ни был важен конкретный человек, придется найти ему замену – что нелегко за три недели до конца семестра.

Первый звонок прозвенел для выпускников – мы покидаем столовую через определенные промежутки времени, ученики выпускного класса первыми, и если вы подумали, что первым идти опаснее всего – вы правы. Ребята осторожно уложили пострадавшего головой на стол. За соседним столом сидели Ибрагим и Якуб – здесь, в нашем террариуме, они закадычные приятели, хотя оба знают, что сразу же забудут друг о друге, если выживут и выберутся отсюда. Один из выпускников повернулся к ним и что-то сказал – наверное, попросил остаться с их приятелем до конца, не задаром, конечно. Выпускникам было пора идти в спортзал, и терять время они не могли – довольно и того, что они лишились члена команды незадолго до выпуска. Ибрагим и Якуб переглянулись, кивнули и пересели. Небезопасно прогуливать занятия накануне экзаменов, но уроки не так важны, как выпускная практика.

– Все еще жалеешь, что я его убил? – спросил меня Орион.

Лицо у него мучительно кривилось, хотя, держу пари, он был даже не знаком с этим парнем. Больше никто не смотрел в ту сторону. Сочувствие здесь приходится дозировать точно так же, как канцелярские принадлежности, – если, конечно, ты не анклавный герой с кучей маны.

– Все еще жалею, что осталась без яичницы, – холодно сказала я и принялась за овсянку.

Ибрагим не прогадал: выпускник умер прежде, чем прозвенел наш звонок. Ибрагим и Якуб оставили его тело прямо там – руки и голова на столе, как будто он просто прилег вздремнуть. Когда мы придем обедать, его уже не будет. Главное – не садиться за тот же стол, и за соседние тоже. Твари, которые в таких случаях приходят за поживой, обычно задерживаются, рассчитывая получить еще порцию.

По утрам у меня занятия по иностранным языкам: я изучаю пять. Не думайте, что я какой-то безумный полиглот. В школе всего три специальности – заклинания, алхимия и мастерство. И заклинания – единственное, что можно практиковать прямо у себя в комнате, не ходя в лабораторию и в мастерскую чаще необходимого. Алхимия и мастерство имеют стратегический смысл, если ты человек вроде Аадхьи – с близкой способностью. Тогда ты получаешь двойную выгоду: во-первых, действуешь в своих интересах, а во-вторых, работаешь в сфере с относительно небольшой конкуренцией. Если она выберется отсюда живой – умный и образованный мастер со способностью к необычным материалам и кучей полезных связей, возможно, сумеет устроиться даже в Нью-Йорке. Если не в Нью-Йорке, то в Новом Орлеане или Атланте. Чем лучше анклав, в который тыходишь, тем больше запас силы, которой можно пользоваться. У нью-йоркских и лондонских мастеров хватит мощи, чтобы построить трансатлантический портал, – иными словами, если я все-таки попаду в Нью-Йорк, то смогу в мгновение ока оказаться в Бирмингеме, откуда на поезде до дома рукой подать.

Конечно, если я не придумаю что-нибудь уникальное, о Нью-Йорке не стоит и мечтать. Скорее всего, этот анклав мне вообще не светит, учитывая, что я регулярно размышляю об убийстве их суперзвезды. Но в Европе уйма хороших анклавов. Впрочем, меня и они не примут, если я не выйду отсюда с хорошей репутацией и внушительным списком заклинаний. Если занимаешься заклинаниями, нужно либо учить языки, чтобы собрать коллекцию побольше, либо заняться творчеством и изобрести что-нибудь свое. Я пробовала сочинять, но тяга слиш-

ком сильна. Если я пишу умеренно полезное заклинание, оно не работает. Чаще всего оно небезопасным образом взрывается мне в лицо. Единственный раз, когда я, следуя маминому примеру, дала волю своему потоку сознания, получилось высокоэффективное заклинание, способное вызвать взрыв супервулкана. Я тут же его сожгла. Но если ты придумал заклинание, оно остается в мире, и кто знает – может быть, однажды им воспользуются. Надеюсь, в школе нет такого уroda, которому понадобится заклинание, способное взорвать супервулкан. Но все-таки сочинительством я больше не занимаюсь.

Иными словами, мой основной источник уникальных заклинаний – пустота. Теоретически я могу безостановочно просить заклинаний, но если ты не прочитываешь то, что получаешь, к моменту использования они либо становятся чепухой, либо оказываются не тем, что нужно, либо исчезают. А если просто пробегаешь слишком много заклинаний, не изучив их, они начинают мешаться в голове, и тогда тебя точно разорвет на кусочки. Да, если надо, я могу выучить сотню близкородственных заклинаний уборки подряд, но мой лимит полезных чар – девять-десять в день.

Зато у меня нет ограничений на заклинания, касающиеся массового уничтожения. Я могу запомнить штук сто с одного взгляда и никогда их не забываю. Наверное, это и к лучшему: если мне понадобится одно полезное, придется разгрести целую сотню.

Если ты собираешь заклинания, а не пишешь собственные, знание языков критично. Школа выдает заклинания только на тех языках, которые ты хотя бы теоретически, знаешь, но, как вы уже поняли, она не особо старается соответствовать твоим нуждам. Ученик, который знает десяток языков и предоставляет выбор школе, с большей вероятностью получит то, что хочет. Кроме того, чем больше языков ты знаешь, тем проще меряться с другими ребятами, чтобы получить заклинания, которые не удалось добыть из пустоты.

Основные языки – конечно английский и китайский; тот, кто не знает хотя бы одного из них, вообще сюда не попадет, поскольку основные уроки ведутся только на них. Если тебе повезло и ты знаешь оба, то сможешь пользоваться половиной заклинаний, имеющих хождение в школе, и, соответственно, составлять расписание остальных занятий. Лю слушает историю и математику по-английски (это сходит за занятия иностранным языком), а «окна» в расписании использует для того, чтобы учиться сочинять на обоих языках. Как вы догадываетесь, большинство магов с колыбели приглашают к детям частного преподавателя. А мама, ясное дело, вместо этого учила меня языку маратхи – из-за папы. Еще бы только ребята из Мумбая, до которых дошли слухи о пророчестве моей прабабки, не смотрели на меня как на прокаженную.

Надо отдать маме должное: учить меня маратхи она начала, когда мне было два года – тогда она еще надеялась переехать к папиным родным. Сама она круглая сирота. Незадолго до поступления в школу – мы это не обсуждали, но я абсолютно уверена, что именно так она и попала в Шоломанчу, – мама обзавелась злым отчимом, в буквальном смысле. Это был острый профессиональный малефицер, на грани распада. Он почти наверняка отравил маминотца – доказательств нет, но совпадений уж слишком много, – чтобы сойтись с ее матерью, которая, несмотря на горе, не утратила целительского дара. Бабушка до конца жизни заботилась о нем (она внезапно умерла от сердечного приступа, когда мне еще не исполнилось трех лет).

Отчим до сих пор, насколько мне известно, живет и здоровствует – правда, наши отношения не назовешь близкими. Он несколько раз присылал тоскливые письма, вложенные в самые обыкновенные конверты, пытаясь добраться и до мамы. Когда мне было лет шесть, я случайно вскрыла одно такое письмо, почувствовала попытку залезть ко мне в голову и инстинктивно дала сдачи. Ощущение от этого – словно тебе в глаз воткнули щепку. Больше он не рисковал.

После того как с папиной семьей не сложилось, мама продолжала цепляться за идею, что язык даст мне своего рода связь с ним – в каком-то неопределенном будущем. Но в те годы это была просто еще одна странность, а я даже в детстве инстинктивно сознавала, что хватит

с меня неординарности. Мы жили в глуши, и мои одноклассники не отличались терпимостью. Одна девочка как-то сказала, что у меня кожа чайного цвета – это неправда, но выкинуть ее слова из головы я уже не могла. И в коммуне было ничуть не лучше. Никто там не шептал мне оскорблений на детской площадке, зато взрослые намекали, чтобы, с одной стороны, я перестала заниматься вместе с ними йогой, а с другой – помогала им переводить с хинди (которого, кстати, я не знала).

Конечно, я должна быть благодарна – тогда-то я и сообразила, что хинди популярнее. Когда до меня дошло, что языки позволят мне выжить, я перестала жаловаться по поводу школы и потребовала уроков хинди – как раз вовремя, чтобы бегло овладеть им перед поступлением. Хинди дает не так много возможностей, поскольку большинство ребят, говорящих на нем, также владеют и английским; поэтому обычно они просят заклинания на английском, чтобы было чем махнуть. Но лучше знать самые разные, не похожие друг на друга языки. В случае с редкими или мертвыми языками гораздо труднее найти человека, с которым можно обменяться заклинаниями – зато с большей вероятностью получишь какие-нибудь уникальные чары, ну или то, что будет лучше соответствовать запросу (как вышло с моими дурацкими заклинаниями на древнеанглийском). Хинди достаточно распространен, так что можно найти уйму желающих для сделок, а поскольку это все-таки не английский и не китайский, никто обычно не *просит* специально заклинаний на хинди – их, как правило, получают при обмене, поэтому они бывают *лучше* среднестатистических. Так я и познакомилась с Аадхьей.

Сейчас я учу санскрит, латынь, немецкий, средне- и древнеанглийский. Последние три похожи, что приятно. В прошлом году я учила французский и испанский – теперь мне их хватает, чтобы разобраться с имеющимися заклинаниями, и они популярны примерно так же, как хинди. Поэтому я взялась за латынь, которая охватывает огромную вневременную сферу. Подумываю, не взяться ли и за древнескандинавский – вдруг попадется что-нибудь совсем неожиданное. И хорошо, что еще не взялась – иначе, скорее всего, вчера на меня свалилась бы книга древних заклинаний викингов, и тогда я бы застряла, пока хоть как-то бы не разобралась. У школы достаточно вольное представление о том, что такое «знание языка». Безопасней приступить к новому языку в начале четверти, чтобы не затормозить накануне экзаменов.

Орион проводил меня в класс. Я поначалу этого не заметила, потому что была слишком занята – наблюдала за группой, с которой обычно хожу по утрам. Это Нкойо и ее друзья Джовани и Кора. Они тоже учат сложные языки, поэтому расписание у нас практически совпадает. Нас не назовешь приятелями, но они позволяют мне ходить на уроки вместе с ними, просто чтобы народу было побольше, – если я не опаздываю. Меня это устраивает.

Они уже наполовину съели завтрак, и мне пришлось глотать не жуя, чтобы за ними угнаться. Потом я предупредила Аадхью:

– Я пошла.

Она помахала мне поверх голов двух своих друзей-мастеров, которые как раз подошли с подносами; учитывая мои приключения в мастерской, она явно не торопилась на занятия первой.

Кора неохотно замедлила шаг, позволяя мне нагнать ее – очень великодушно, – и мы уже стояли за дверью, когда Нкойо удивленно оглянулась и я обнаружила, что прямо за моей спиной стоит Орион.

– Мы идем на иностранный язык! – прошепела я.

Он специализируется по алхимии. Надо сказать, алхимиков в этом году оказалось вдвое больше обычного: даже те ребята, у которых были другие способности, старались держаться поближе к Ориону. По моему мнению, это не стоило дополнительных занятий в лаборатории. Ориону приходится иногда являться на уроки иностранных языков, точно так же как нам всем иногда приходится заниматься алхимией, – расписание меняется в первый день нового учебного года, но если попросить слишком много легких предметов или выстроить для себя

чересчур своеобразный курс, школа отправит тебя на занятия, которых избегают остальные. Но только те, кто прицельно учит языки, утром в понедельник идут в лингафонный кабинет. Находиться на верхнем этаже, если ты в старшем или выпускном классе, – очень большой плюс.

Орион упрямо посмотрел на меня:

– Я иду на склад.

Мы получаем строительные материалы внизу, в мастерской, а алхимические принадлежности – в лабораториях, но все остальное, менее экзотическое, например ручки и тетради, нужно добывать на большом складе, на том же ярусе, где и лингафонные кабинеты.

– Можно нам с тобой? – тут же спросила Нкойо.

Кора и Джовани оба стояли разинув рот, а она зевать не стала. В класс лучше явиться ближе к началу занятий, и сходить большой компанией на склад тоже очень хорошо, даже если вынести за скобки Ориона (если бы я только могла вынести его за скобки!). Поэтому я, кипя, отправилась с ними. На складе я взяла бумагу, чернила, немного ртути для обмена, дырокол, а еще толстую тетрадь для записи все возрастающего количества заклинаний. Я заметила три глаза, наблюдающих за нами из трещины на потолке – но, скорее всего, это был просто прыгун, и нападать на целую компанию он не рискнул.

Потом Орион проводил нас до ближайшего лингвистического класса, хотя в этом не было никакой необходимости. Узкая лестница возле склада иногда исчезает сама собой – ее нет на чертежах, строители озаботились ею впоследствии, когда поняли, что неудобно тащиться четверть мили в обход, – но сегодня она была на месте, и дверь аудитории стояла широко открытой, и внутри горел свет.

– Что ты делаешь? – спросила я, рискнув задержаться в коридоре, в то время как остальные бросились в класс, чтобы занять удобные места. – Я надеюсь, ты не пытаешься за мной ухаживать?

Это было маловероятно: никто никогда и не пытался. Я не уродина, даже наоборот – с возрастом я стала пугающе красивой, как и подобает страшной темной колдунье (во всяком случае, пока она не дошла до стадии сказочной карги). Секунд десять мальчишки думают, что можно пригласить меня на свидание, затем заглядывают мне в глаза или заговаривают со мной – и, очевидно, убеждаются, что я пожру их душу. А Ориона я вообще чуть не бросила на поживу мимикам.

Он фыркнул:

– Ухаживать за малефицером?

На секунду меня охватило негодование, я снова хотела заявить, что я не малефицер, а потом задумалась.

– Ты следишь за мной? На тот случай, если я вдруг начну творить зло? И тогда тебе придется меня *убить*?

Он скрестил руки на груди и взглянул на меня с холодной самоуверенностью. Это было очень красноречиво. Мне страшно захотелось врезать ему по яйцам. Обитатели нашей коммуны, помимо прочего, верят в семнадцать видов боевых искусств: они нагромождают вокруг них массу чуши о внутреннем равновесии и духовной энергии, но все-таки учат бить и пинать. Я не профи, но могла бы изрядно испортить Ориону Лейку настроение, учитывая его манеру стоять с широко расставленными ногами.

Но за моей спиной был полный класс учеников, которые за нами наблюдали, и большинство обрадовались бы любому подходящему предлогу, чтобы объявить мне полный бойкот. И скоро должен был прозвенеть звонок – а когда дверь захлопывается, опоздавшим приходится до перемены торчать в коридоре. Поэтому я, продолжая кипеть, отошла от Ориона и заняла одну из пустых кабинок.

В Шоломанче нет учителей. Школа до предела набита учениками; на каждое место – два претендента, и наши дортуары не больше двух метров в ширину. Тот, кто сюда попадает,

не нуждается в дополнительной мотивации. Умение сварить зелье, которое залечит дыру в желудке после того, как ты случайно выпила яблочный сок, отравленный дымокурором, – само по себе награда. Даже математика оказывается необходимой для многих продвинутых чар, а изучение истории приносит массу полезных заклинаний и рецептов, которыми не разживешься на других уроках.

Поэтому на занятиях по иностранному языку ты просто идешь в одну из восьми аудиторий, расположенных на третьем этаже. Выбирай с умом; если заглянешь в аудиторию, которая ближе всех к уборной, или вон в ту, реально хорошую, рядом с лестницей (это позволит добежать до столовой за десять минут), тебе вряд ли удастся захватить в ней приличную кабинку. Или вообще хоть какую-нибудь. Но предположим, ты ее нашла. Теперь ты сидишь в звуконепроницаемом коконе, надеясь, что не пропустишь шаги за спиной, и читаешь учебники или выполняешь упражнения, в то время как бесплотные голоса что-нибудь нашептывают тебе на том языке, которым ты сегодня занимаешься. Мне они обычно рассказывают жуткие кровавые истории или любовно, в подробностях описывают мою смерть. Сегодня я решила заняться древнеанглийским, чтобы извлечь максимум пользы из заклинаний, которые обнаружила в книгах с хозяйственными чарами, но прогресс был невелик. Я сидела над одной-единственной страницей, кипя от негодования, в то время как голос нежно декламировал мне на ухо эпическую аллитерационную поэму об Орионе Лейке, «герое пыльных подземелий», который собирался укокошить меня во сне.

Иными словами, я убью его просто ради самозащиты; и я в очередной раз об этом задумываюсь. Похоже, мне *придется* это сделать. Люди с легкостью, особо не доискиваясь причин, убеждают себя, что я зла и опасна. Конечно, я могу убить Ориона, чтобы высосать его ману, но я не хочу в самом деле стать малефицером и вырваться из школы, как чудовищная бабочка из гигантского кокона рока, чтобы согласно пророчеству сеять смерть и опустошение.

Я вдруг поняла, что проблема в Луизе. Орион не поверил моим словам. У меня чутье на тех, кто пользуется магией, а у Ориона – на... даже не знаю... справедливость? Милосердие? Жалких и уязвимых?

Он понял, что я соврала ему насчет Луизы, но, не зная точно, в чем именно, Орион, вероятно, решил, что на самом деле я ее убила. Я сочла его вопрос пустяком, а он был абсолютно серьезен. Я почти ничего не знала про Луизу кроме того, что ей сильно не повезло – у нее родители не волшебники. Способность удерживать ману время от времени появляется у заурядов, но обычно они сюда не попадают – их пожирают раньше. Возможно, какого-нибудь мага-подростка, который жил по соседству, записали в школу, но он погиб до поступления, и Луизу всосало вместо него, потому что ее родители пальцем о палец не ударили (интересно, почему?). В некотором смысле ей повезло – но, с другой стороны, Луизу вырвало из привычной жизни и без предупреждения втянуло в черную дыру волшебной школы, где она оказалась среди чужих людей, без возможности связаться с родными, без выхода и в окружении орды злыдней, пытающихся ее убить. Не сомневаюсь, история бедняжки была просто обязана затронуть чувствительное сердце Ориона.

А благодаря моей вспышке накануне он обнаружил, что я потенциальная темная ведьма апокалипсических пропорций. И теперь инстинкты Ориона наверняка бушевали, требуя положить конец моему будущему царству террора.

Естественно, от этого мне захотелось пойти и устроить упомянутое царство террора немедленно, но сначала пришлось посвятить два часа иностранному языку и час – изучению злыдней. Этот предмет любят все. Он проходит в огромной аудитории, на том же этаже, где столовая. Мы толпой вваливаемся туда, вне зависимости от языка, поскольку лекции тут не читают. Огромные росписи на стенах в подробностях изображают выпуск; здесь представлены разнообразные восхитительные создания, которые ждут кормежки. У каждого из нас есть учебник на родном языке, и мы его читаем, параграф за параграфом. Твари, которых мы изучаем,

сходят со стены и ползают по возвышению, демонстрируя все способы, какими они могут нас убить. Время от времени иллюзия пытается превратиться в настоящее чудовище, напасть на кого-нибудь в переднем ряду и пожрать его ману.

Мне почти всегда приходится сидеть впереди. Нужно держать ухо востро.

Сегодня, впрочем, мне удалось найти место в середине зала, и никто из соседей не сказал «Ой, извини, здесь занято». К обеду мой гнев превратился в мрачное раздражение. Вред уже был причинен – вся школа полагала, что Орион меня спас, – поэтому настало время перевести дух и подумать, как выйти из положения. Как только я пошевелила мозгами, ответ пришел сам.

За обедом я села рядом с Аадхьей и шепнула ей:

– Он проводил меня на урок! Я ему что, правда нравлюсь? *Быть того не может*, – добавила я в ту самую секунду, когда Орион вышел из очереди, осмотрелся, подошел к нашему столу и сел напротив, глядя на меня прищуренными глазами.

Орион ни с кем не встречался – во всяком случае, я никогда об этом не слышала. И поэтому известие о том, что, кажется, он обратил внимание на меня, облетело всю школу со скоростью света – даже быстрее, чем история о моем спасении. Когда после обеда я пришла в алхимическую лабораторию, оказалось, что парень по имени Мика, с которым мы даже никогда не разговаривали – он, кажется, финн, – занял в классе два места за лучшим столом. Когда я вошла, он окликнул меня и указал на стул рядом с собой.

Это было что-то новенькое. Я всегда стараюсь прийти в лабораторию пораньше, хотя и рискую оказаться почти в полном одиночестве в пустом классе. Но если задержаться – все удобные столы расхватывают и займут места для друзей. Тогда придется сидеть за одним из плохих столов, прямо под вентиляционной решеткой или возле двери. Я не могу лестью добыть себе местечко – подхалимство меня бесит; от угроз мне тоже погано, только на другой лад. Поэтому было очень приятно войти в почти полный класс и не торгуясь получить место за лучшим столом.

Ясно, это счастливое положение вещей зависело от того, как Орион сыграет свою роль. Он вошел незадолго до звонка, обвел глазами класс и сел рядом со мной. Мика вытянул шею, чтобы взглянуть на него, и с надеждой улыбнулся. Жаль, что Орион этого не заметил – он внимательно изучал мои ингредиенты и реакцию, над которой я трудилась.

Большинство учеников создают противоядия и предохраняющие эликсиры или занимаются классическим превращением дешевых элементов в золото. Я никогда не получаю таких полезных рецептов – мне приходится за них торговаться. На этой неделе я уже отвергла несколько заданий – превращение свинца в радиоактивный палладий, создание смертельного контактного яда, превращение плоти в камень, – прежде чем получила задание произвести выброс раскаленной плазмы: при некоторых обстоятельствах это хотя бы могло быть полезно. Например, чтобы превратить кости в пепел. Вы, наверное, подумаете, что вряд ли это придет человеку в голову первым делом, однако Орион взглянул на меня с подозрением:

– Эта штука может испепелить кость.

– О, ты уже это делал? – притворно удивилась я. – Тогда не говори ничего, я хочу сама научиться.

Большую часть урока он наблюдал за мной, вместо того чтобы заниматься своим делом. Меня это злило, но злость обычно помогает мне в работе. Моими ингредиентами были железо, золото, вода, кусок полированной ляпис-лазури и пол-ложки соли – все это следовало разложить на расстоянии, пропорциональном их относительной величине. И не стоило ошибаться даже на миллиметр. Но с этим я справилась сразу. Прибегнуть к привычным физическим упражнениям посреди класса было нельзя, поэтому я тихонько спела три длинные и сложные песни, чтобы собрать ману, – две на английском, одну на маратхи. Искристое пламя вспыхнуло в моих сложенных чашечкой ладонях; я придвинула ритуальный поднос чуть ближе к Ориону, бросила туда искру и отскочила. Тонкое синее пламя вмиг поглотило ингредиенты и

мощно взвилось вверх; по классу прокатилась волна жара. Из вентиляции донеслись испуганные взвизги, над головой послышалось царапанье.

Все инстинктивно нырнули под парты, кроме Ориона. Бумажные жгутики, которыми он держал собственные ингредиенты, загорелись просто от близости к моему огню, и он отчаянно пытался потушить пламя. У меня немного отлегло от сердца.

После урока Нкойо предложила мне вместе пойти на ужин.

– Обычно мы встречаемся в тринадцать минут шестого, – сказала она.

Я даже не стала повышать голос, чтобы донести это до Ориона, подумав, что Нкойо и сама справится:

– Только я возьму с собой Лю.

Я надеялась, что Орион утомится, не обнаружив с моей стороны никаких злобных замыслов, и не без основания полагала, что новые друзья бросят меня, как только это произойдет. Но Лю была рада завести новые знакомства – она не отпугивала людей, как я, но и не пользовалась особой популярностью: нужно дойти до конца, чтобы получить полный эффект от малии. И она запомнит, что я оказала ей услугу.

Я нашла Лю в нашем коридоре – она возвращалась из мастерской – и позвала ее с нами. Она кивнула, задумчиво взглянула на меня и сказала:

– Орион спрашивал про Луизу.

Я поморщилась. Ну конечно. Джек обязательно обвинит в этом меня, поскольку Орион повсюду за мной таскается.

– Спасибо. Встретимся в тринадцать минут шестого.

Джека я пока нигде не видела, но все равно проверила, нет ли на двери моей комнаты зловредных заклинаний, и осторожно заглянула внутрь, прежде чем войти, – вдруг он решил проявить инициативу? Но все было спокойно, поэтому до ужина я занималась упражнениями и собирала ману.

Вот какой у меня был план: в течение года копить ману – разве что возникнет чрезвычайная ситуация или представится редкий шанс (например, убить пожирателя душ!) – а затем продуманно использовать несколько кристаллов в самом конце семестра, чтобы упрочить свою репутацию. Тогда я обзаведусь союзниками к выпуску. Все, даже ребята из анклавов, копят ману как могут в промежутках между нападениями злыдней. Ее нельзя пронести с собой, даже если она аккуратно запечатана в хранилище, наподобие маминых кристаллов. То есть, конечно, можно, но все хранилища будут досуха высосаны на входе, потому что входное заклинание съедает очень много маны. Зато взамен тебе дают дополнительный объем багажа. Не очень большой, поэтому оно того не стоит – если только ты не член анклава, который может спокойно выбросить тридцать полных хранилищ ради дополнительных двухсот пятидесяти граммов. Но на моей памяти у мамы никогда не было больше десяти полных кристаллов, а в последние годы и того меньше. Я пришла в школу с маленьким рюкзаком и запасом пустых кристаллов.

Ни у кого столько нет. Большинство хранилищ гораздо объемнее и тяжелее, чем мамины кристаллы, поэтому мало кто может позволить себе принести их в школу; а если их соорудил в мастерской четырнадцатилетний подросток, они еще и плохо работают. У меня приличное положение, но очень сложно наращивать запас, если на тебя постоянно бросаются злыдни. И становится все труднее наполнять кристаллы с помощью физических упражнений: чем старше и сильнее я становлюсь, тем проще даются приседания и отжимания. В этом смысле мана бесит. Физический труд сам по себе не считается. В ману превращается количество усилий, которых человеку это стоит.

В следующем году мне отчаянно понадобятся товарищи, которые будут меня прикрывать и помогут наполнить еще сколько-то хранилищ. Если я дойду до выпуска с пятьюдесятью полными кристаллами, то сумею в одиночку расчистить путь к воротам для себя и своих союзников. Никакой более хитрой стратегии не потребуется. Это одна из немногих ситуаций, когда

есть польза от стены смертоносного огня: ведь именно таким образом школа прибирает в столовой и дважды в год дезинфицирует классы. Но ничего не выйдет, если я не буду придерживаться графика. А значит – та-дам! – двести отжиманий до ужина.

Хотелось бы мне сказать, что я совсем не думала об Орионе, но на самом деле массу времени я потратила, неведь зачем гадая, каковы шансы, что он пойдет со мной на ужин. Я оставилась на шестидесяти процентах вероятности, но признаюсь, что была бы разочарована, если бы, выйдя, не увидела его серебристой макушки. Орион ждал меня в назначенном месте. Нкойо и Кора тоже ждали, тщетно стараясь не пялиться на него. Кору, судя по всему, обуревали ревность и смущение, а лицо Нкойо превратилось в деревянную маску. В коридоре ко мне присоединилась Лю; Джовани выбежал из своей комнаты и в последнюю минуту нагнал нас.

– Кто-нибудь тут учит древнеанглийский? – спросила я, когда мы зашагали в столовую.

– Есть один парень, годом младше нас, – ответила Нкойо. – Не помню, как зовут. А что?

– Девяносто девять заклинаний для уборки, – сказала я, и все сочувственно засопели.

Кроме меня, наверное, в школе больше нет ни одного человека, готового обменять серьезные боевые заклинания на вызов воды. И никто не сможет *наложить* боевые чары, которые я получаю.

– Джефф Линдс, – неожиданно произнес Орион. – Из Нью-Йорка, – добавил он, когда мы взглянули на него.

– Если ему нужны девяносто девять способов прибрать в комнате на древнеанглийском языке, пошли его ко мне, – сказала я любезно.

Орион нахмурился.

Он хмурился и во время ужина, а я была исключительно мила с ним. Я даже предложила ему пирог с патокой, который мне удалось ухватить. Невелика потеря – я ненавижу патоку. Орион, судя по всему, хотел отказаться. Но он – шестнадцатилетний мальчишка, которому приходится исследовать все съестное на предмет потенциальной заразы. Никакой героизм не спасет тебя от дизентерии или пикантной капельки стрихнина в соусе; к тому же Орион не обменивал свои услуги на что-нибудь полезное, типа добавки за обедом. Поэтому он мрачно сказал «спасибо», взял пирог и съел его, не глядя на меня.

Он увязался за мной, когда я, прихватив поднос, отправилась к конвейеру, снабженному громадной надписью «Сдавайте посуду» (безумная, совершенно бессмысленная фраза). Впрочем, это не такая проблема, как сам процесс сдачи – нужно запихнуть поднос в темную прорезь в массивной металлической стойке, которая медленно вращается от движения конвейера. Поскольку тарелки и подносы очищаются с помощью струй смертоносного пламени, которое отгоняет злыдней, безопаснее всего – у дальнего конца, но там почти невозможно найти свободное место. Лишняя минута, проведенная возле конвейера в поисках свободного пространства, того не стоит. Я обычно ставлю посуду где-нибудь посередине – там короче очередь.

Орион решил, что это самое подходящее время для личной беседы.

– Ты ловко притворяешься, – сказал он мне на ухо. – Но поздно. Думаешь, я обо всем забуду, потому что ты вдруг стала вежливой? Ну-ка, расскажи еще разок, что на самом деле случилось с Луизой.

Он убедил всю школу, что мы встречаемся, и даже не понял этого. Я закатила глаза – образно выражаясь, конечно: я не настолько глупа, чтобы отводить взгляд от стойки с посудой хотя бы на секунду.

– Да-да. Ты такой благоразумный и справедливый, что мне просто не терпится с тобой поделиться.

– Что? – переспросил Орион – и тут шестирукая тварь, похожая на помесь осьминога с игуаной, выскочила из пустой посудной стойки, совершившей очередной оборот, и прыгнула, целясь в голову какой-то грустной младшеклассницы. Орион развернулся и бросился в бой: он схватил с подноса девочки нож и одновременно выкрикнул заклинание обжорства. Я успела

приткнуть поднос на пустое место и пригнуться – в ту самую секунду, когда тварь вздулась, как несвежий труп, и лопнула.

Я вернулась в свою комнату незапятнанной. Назавтра в свою компанию меня пригласили ребята из лондонского анклава, которые до сих пор в мою сторону даже смотреть не желали. А еще Нкойо предложила махнуть латинскими заклинаниями на занятиях по языку. Орион, испускающий едкую вонь, ушел в душ. Я еще не сполна с ним посчиталась, но текущий результат меня удовлетворил. Поэтому, когда десять минут спустя из коридора повеяло знакомым ароматом и раздался стук, я великодушно распахнула дверь, собираясь сказать: «Так, ну и что ты мне дашь в обмен за информацию?»

Правда, ничего кроме «так» я произнести не успела, потому что это был не Орион, а Джек, вымазавшийся кишками осьминога. Очень умно. Он ткнул меня кухонным ножом в живот, толкнул на пол и закрыл за собой дверь, улыбаясь своей белозубой улыбкой, пока я в ужасе хватала воздух, мысленно крича себе «Дура, дура, дура!». Поскольку я уже собиралась спать, то повесила кристаллы с маной над кроватью – там я могла достать их ночью, но сейчас они были вне досягаемости.

Джек наклонился надо мной, обеими руками отвел мне волосы с лица и коснулся щек.

– Галадриэль, – проникновенно сказал он.

Обеими руками я инстинктивно вцепилась в рукоятку ножа, чтобы он не двигался в ране, но все-таки заставила себя разжать одну руку и попыталась нащупать полупустой кристалл с маной, который как раз наполняла сегодня. Он висел на стуле, там, где находилась моя голова, когда я делала отжимания, над самым полом. Если бы я сумела до него дотянуться, то получила бы доступ ко всему запасу маны и без всякого сожаления превратила бы кости Джека в жидкость.

Но тщетно. Я отчаянно напрягала пальцы. Я попыталась чуть-чуть подвинуться, но было слишком больно, и вдобавок Джек продолжал кончиками пальцев гладить мое лицо. Меня это бесило не меньше воткнутого в живот ножа.

– Перестань, ты, придурок, – прошептала я срывающимся голосом.

– Почему ты меня не любишь? – спросил он. – Ну же, Галадриэль. Ты такая красивая. Ты можешь стать еще прекраснее. Я тебе помогу. Я что угодно для тебя сделаю. Будет так *весело*...

И я почувствовала, как мое лицо сминается, словно лист фольги. Это было невыносимо.

Я не хотела думать о том, что придется ему отказать. Не хотела думать, что я скажу «нет» этому мешку гнили, который как раз провел своими пальцами по моим ребрам и взялся за рукоятку ножа, чтобы разделать меня как свиную тушу.

Я твердила себе, что логика очень проста: стать малефицером – значит умереть рано и некрасиво. Но всё лучше, чем умереть прямо сейчас... а я не могла уступить. Не могла – и знала, что если мне противно сейчас, значит, будет противно всегда, и даже если я убью Джека, то не переживу следующего раза. Я всегда цеплялась за эту мысль как за соломинку: «Если других вариантов не будет, то...» И вот варианты закончились, а я все равно не собиралась прибегать к магии.

– Сволочь ты, прабабка, – шепнула я, разозлившись чуть не до слез, и приготовилась насадиться на нож, чтобы дотянуться до кристалла с маной.

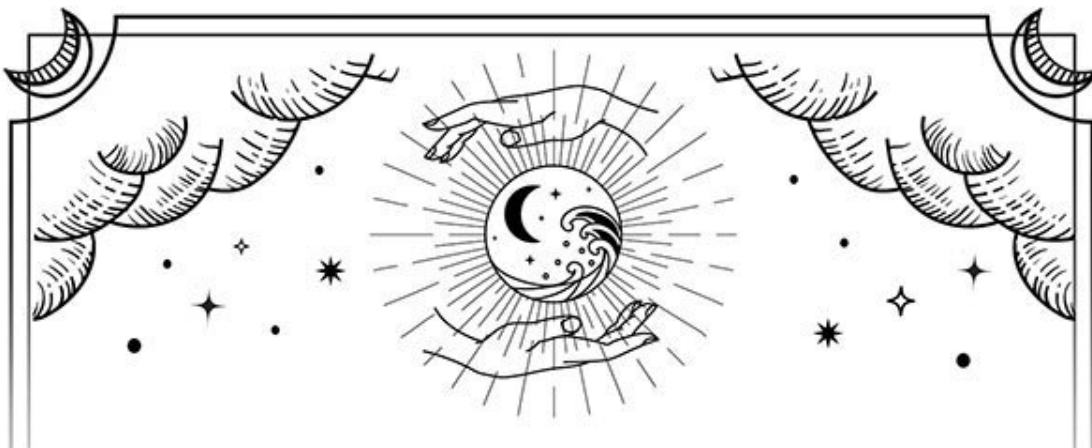
И тут я услышала стук в дверь. Кто-то стучался ко мне в то время, когда все остальные давно сидели по комнатам или зубрили, собравшись по несколько человек...

Говорить было трудно. Я указала на дверь пальцем и подумала: «Сезам, откройся». Глупое детское заклинание, но это была моя дверь, и я еще не заперла ее на ночь, поэтому она открылась. На пороге стоял Орион. Джек развернулся – его руки были в моей крови. В качестве финального штриха он даже вытер себе рукой рот.

Я сползла на пол и не стала мешать могучему герою.

Глава 4

То, что стучит по ночам

Тошнотворно аппетитный запах жареной плоти наполнил комнату. Орион рухнул на колени рядом со мной.

– Ты... – начал он и замолчал, потому что ответ явно был отрицательный.

– Ящик с инструментами, – сказала я. – Слева. Пакет.

Он откинул крышку, порывшись в ящике, не удосужившись хотя бы взглядом проверить содержимое, и достал белый конверт. Разорвав его, Орион извлек кусок тонкой льняной ткани. Мама сделала ее для меня своими руками, от начала до конца – вскопала делянку, собрала урожай, спряла нитки и соткала ткань, все время напевая исцеляющие заклинания.

– Вытри кровь одной стороной, – прошептала я.

Лицо Ориона закаменело от страха. Он с сомнением взглянул на пол.

– Ничего страшного, если испачкается. Вынь нож и приложи другую сторону к ране.

К счастью, я ненадолго вырубилась, когда он вытащил нож, и следующие десять минут прошли незаметно, а когда я очнулась, лоскут уже лежал на ране. Лезвие оказалось не настолько длинным, чтобы проткнуть меня насквозь – рана была поверхностная и не очень широкая. Исцеляющий лоскут светился слабым белым светом, и я чувствовала, как он трудится над моими пострадавшими внутренностями. Еще через десять минут я позволила Ориону проводить меня до кровати.

Орион помог мне лечь, вытащил обугленный труп Джека в коридор, потом смыл с пола кровь. Когда он вновь присел на край кровати, руки у него дрожали.

– Кто... кто это был? – Он, кажется, испугался больше, чем я.

– Ты никого не удосуживаешься запоминать по именам? Это Джек Уэстинг. Именно он сожрал Луизу. Можешь заглянуть к нему в комнату, если не веришь. Скорее всего, найдешь то, что от нее осталось. Ну что, стало легче?

Орион вскинул голову:

– Что?! Почему ты мне сразу не сказала?!

– Боялась, что меня прикончит чокнутый малефицер. Очевидно же. Кстати, спасибо, что шлялся по школе и расспрашивал про Луизу. Это, похоже, его совершенно не спровоцировало.

– Знаешь, я впечатлен, – произнес Орион. Его голос перестал дрожать. – Ты чуть не погибла – и по-прежнему хамишь. Не стоит благодарности. *Еще раз.*

– Поскольку ты отчасти сам виноват, я отказываюсь тебя благодарить, – парировала я.

На мгновение я закрыла глаза – и тут зазвенел звонок, предупреждающий об отбое. Неужели прошло столько времени? Я осторожно пощупала лоскут. Сидеть будет больно еще

несколько недель. Кровь восстановилась, и голова перестала кружиться, но даже мамин шедевр не заставил бы ножевую рану мгновенно исчезнуть.

Я достала кристалл и повесила его на шею. Сегодня о сне можно забыть. Мне наверняка предстоит сражение. Я не поддаюсь, а Джек погиб. Чистый убыток. Злыдни обязаны разбушеваться.

Орион по-прежнему сидел на краю кровати, не двигаясь с места.

– Ты что? – с раздражением спросила я.

– А что?

– Ты не слышал звонка?

– Я тебя не брошу, – сказал он таким тоном, словно это было само собой разумеющимся.

Я покосилась на него:

– Ты совсем не понимаешь, как действует принцип равновесия?

– Во-первых, это просто гипотеза. А во-вторых, я не желаю жить по этому правилу!

– А, ты из таких, – сказала я с искренним отвращением.

– О, прости. Ты не *против*, если я останусь – или мне уйти и бросить тебя с раной в животе и за несколько минут до ночной атаки?

Видимо, я так его достала, что он научился сарказму.

– Конечно не против.

В конце концов, вряд ли ситуация может стать *намного* хуже. В комнату зараз способно проникнуть лишь ограниченное количество злыдней, а в сегодняшнем меню я и так уже значилась как специальное предложение. Присутствие Ориона не помешало бы. Примерно по той же логике для подростка пребывание в школе безопаснее, чем за ее стенами.

Звонок к отбою прозвенел через несколько минут. Что бы ни мешало злыдням атаковать Ориона в обычное время, они вряд ли устояли бы перед запахом крови, который от меня исходил, не говоря уж о соблазнительном присутствии двух учеников в одной комнате. За дверью кто-то завозился над телом Джека – пиршество началось. Какие-то твари боролись и чавкали. Орион стоял посреди комнаты, беспокойно сжимая и разжимая кулаки, и прислушивался.

– Зачем ты тратишь силы? Отдохни, пока они не полезли, – пробормотала я.

– Все нормально.

Возня снаружи наконец затихла. Вскоре кто-то постучал. Потом под дверь начала сочиться блестящая черная жидкость, густая как смола. Орион позволил ей втечь до половины, а затем поднял руки, сомкнув пальцы ромбом, произнес однострочное заклинание на французском и со свистом дунул в ромб. Как из пожарного шланга хлынула вода: она растворила жижу, превратив ее в черное пятно, которое сбежало в трещины между половицами и с хлопьями стекло в отверстие посреди пола.

– Если бы ты ее заморозил, то перекрыл бы им проход, – заметила я.

Орион с раздражением взглянул на меня, но не успел ответить: что-то большое пробралось сквозь вентиляционное отверстие. Орион встал перед моей кроватью и накрыл нас защитным заклинанием – и в ту же секунду в темном углу комнаты рядом с пустотой вспыхнуло самое настоящее, не иллюзорное пламя. Оно опрокинуло стол и принялось бешено стегать по щиту огромными, похожими на кнут щупальцами. Огненные брызги расплескивались по поверхности щита.

Когда Орион провел ладонью по изголовью, собирая пыль, чтобы призвать пыльного демона, я схватила его за руку, а он заорал:

– Я тебя сейчас сам убью!

– Заткнись, это важно! Его нельзя задушить – только сжечь!

– Ты это уже видела?

– У меня есть заклинание, которое призывает сразу штук десять, – призналась я. – Его использовали, чтобы сжечь Александрийскую библиотеку.

– Зачем оно вообще тебе понадобилось?!

– Я всего-то хотела осветить комнату, придурок, – и вот что получила!

Честно говоря, воплощенное пламя прекрасно справилось с освещением. После прошлого переселения моя комната стала вдвое выше – в конце семестра школа избавляется от дортуаров, которыми больше не пользуются, – и до сих пор я не могла толком разглядеть угол над своей кроватью. Целая куча мелких гадов слепо забегала кругами по потолку, прячась от света; они с синими вспышками испарялись на липучке, которую я прикрепила к стене, насколько сумела дотянуться в прошлый раз.

– Ты будешь со мной спорить, пока оно не вломится?

Орион зарычал и врезал по воплощению великолепным испепеляющим заклинанием, всего в четыре слова – все его чары были короткими. Идеальный вариант для битвы. Тварь взвизгнула и превратилась в столб пламени, которое потухло к концу заклинания. Потом Орион, тяжело дыша, сел на кровать. Слышалось потрескивание статического электричества: он был переполнен маной.

Не останавливаясь, он убил еще пять разновидностей тварей, включая бесплотного призрака, влетевшего в отверстие под дверь, и орду пискливых толстеньких гадин, похожих на голых кротов, которые появились из-под кровати, надеясь нас загрызть. Когда Орион расправился с ними, он уже почти светился.

– Если у тебя столько маны, что льется через край, можешь поделиться, – сказала я, с трудом преодолевая желание расцарапать ему – и себе – лицо от зависти.

Он взял полупустой кристалл, свисающий с моей кровати, внимательно посмотрел на него, потом уставился на тот, что висел у меня на шее...

– погоди... я думал... Из какого ты анклава?

– Ни из какого.

– Тогда как тебе достались кристаллы «Радужного сознания»? У тебя аж две штуки!

Я сжала губы, жалея, что вообще заговорила об этом. Мама иногда дарит свои кристаллы другим волшебникам, если они ей нравятся; а поскольку мамино суждение о людях безошибочно, ее кристаллы приобрели дополнительную репутацию, вне зависимости от того, сколько маны они вмещают.

– У меня их пятьдесят, – коротко сказала я. Именно кристаллы я взяла с собой в школу вместо лишней одежды, канцелярских принадлежностей, инструментов – всего, без чего я могу обойтись. – Это мамыны.

Орион разинул рот:

– Гвен Хиггинс – твоя мать?!

– Да, и ты имеешь полное право мне не поверить. Вот почему я охотно об этом рассказываю.

Моя мама – типичная англичанка: невысокая, розовенькая, светловолосая, слегка склонная к полноте. А папа (бабушка отдала маме его фотографию, сделанную накануне поступления в школу) уже в четырнадцать лет был ростом метр восемьдесят, худой, с угольно-черными волосами, серьезными темными глазами и носом, который пикантно загибался – совсем чуть-чуть. Мама постоянно твердила, как это здорово, что я похожа на отца – она, мол, видит его во мне. Но в итоге никто не понимает, что я как-то связана с Гвен Хиггинс, если не сказать об этом напрямую. Один человек, посетивший нашу юрту, целый час намекал мне, чтобы я ушла и перестала приставать к великой целительнице.

Но Орион удивился не поэтому. Волшебники разных национальностей часто образуют пары, поскольку мы живем здесь все вместе, кучей, а гормоны бурлят. Самое существенное различие пролегает между членами анклавов и остальными, то есть нищелюдьми. Ориона просто потрясло, что известная светлая целительница породила потенциального малефицера, то есть меня, – здесь это любого бы удивило, вот почему я предпочитаю не распространяться.

– А-а, – смущенно произнес Орион, а потом вскочил и машинально уничтожил какую-то тень, которая даже не успела обрести форму – я так и не узнала, к какому роду она принадлежит. Но он таки влил немного маны в мой кристалл, возможно в качестве извинения – ну или просто потому, что иначе бы лопнул по швам. Орион наполнил кристалл доверху одним заходом и тихонько выдохнул от облегчения. Не давая волю чувствам, я убрала кристалл в шкатулку, к остальным, и выудила новый, пустой.

Мне удалось немного поспать ближе к утру. То ли злыдни утратили кураж, то ли Орион истребил всех в пределах моей комнаты – иногда к нам по полчаса никто не лез. Орион наполнил еще два кристалла. Я неохотно подарила ему один. Меня, как ни досадно, начала мучить совесть, хотя Орион (в отличие от любого нормального человека) ничего не попросил взамен.

В последний раз я проснулась, когда сработал будильник. Мы дожили до утра. Орион вообще не спал, и вид у него был никакой. Стиснув зубы, я села и отодвинулась к стенке:

– Ложись, я помогу.

– Поможешь в чем? – спросил он и широко зевнул.

– Вот в этом самом.

Сон нельзя заменить по-настоящему, но у моей мамы есть техника, которую она применяет при сильной бессоннице, заставляя третий глаз закрыться – да-да, знаю, это звучит ненаучно, зато действует. Большинство маминых чар у меня получаются плохо, но это заклинание достаточно простое, и оно мне вполне под силу. Орион лег на кровать, взяв в руки мой кристалл, я накрыла ему глаза ладонями, положив большие пальцы между бровей, и семь раз подряд спела мамину «колыбельную для третьего глаза». Это сработало – как работают все мамыны нелепые штучки. Орион мгновенно заснул.

Я не мешала ему минут двадцать, пока не раздался звонок на завтрак. Тогда Орион очнулся и сел. Вид у него стал часов на пять лучше.

– Помоги мне встать, – попросила я.

В школе невозможно взять отгул по болезни. Если сидеть весь день в комнате, любая тварь, которая пробирается снизу, по пути перекусит тобой. Если ты остался – значит, ты уже мертв. Как вы догадываетесь, мы без конца болеем простудами и гриппами. В школе больше четырех тысяч учеников, и в начале каждого года новички приносят с собой восхитительный ассортимент вирусов со всего света. А когда мы наконец ими переболеем, необъяснимо возникает какая-нибудь новая хворь. Возможно, это малая разновидность злыдней. Какая приятная мысль.

От усталости и потрясения я не учла, какой эффект произведет наш совместный выход с Орионом из моей комнаты – одинаково измученных и потрясенных. Одновременно с нами вышли еще двое, и к тому моменту, когда мы добрались до столовой, слух, понятное дело, разошелся по всей школе. Атмосфера так накалилась, что после завтрака одна из нью-йоркских девчонок оттащила Ориона в сторонку и поинтересовалась, о чем он думает.

– Орион, она малефицер, – донеслось до меня. – Джек Уэстинг пропал вчера вечером, и остатки его ботинок нашли возле ее двери. Наверное, она его убила.

– Нет, Хлоя, это я, – ответил Орион. – Джек и был малефицером. Он убил Луизу.

Она так удивилась, что перестала читать ему нотацию. К концу дня Орион был единственным человеком в школе, который не знал, что мы пара, причем безумная, проводящая вместе ночь. Наблюдать за происходящим было даже забавно. Все ребята из нью-йоркского анклава сразу же встревожились; за обедом мои однокашники сходили сообщить об этом выпускникам. Тем временем лондонцы начали говорить мне любезности, и стало ясно: с их стороны идет какая-то слаженная работа.

Вот в чем наверняка была их цель: если Орион действительно в меня влюбился – почему бы его не переманить? И я уже давала понять лондонской тусовке, что заинтересована в приглашении. Я, конечно, не просила напрямую, поскольку не хотела презрительного отказа, кото-

рый бы непременно последовал, – просто сказала, что моя мать живет вблизи Лондона, и намекнула, что сама подумываю вступить в анклав. Достаточно, чтобы заронить семя на будущее, поскольку впереди маячит выпуск и я уже продемонстрировала некоторую огневую мощь. Люди всегда охотнее делают предложение, если рассчитывают, что оно будет принято.

Естественно, было просто нелепо паниковать или обхаживать меня из-за романа, который, предположительно, длится всего два дня, но в присутствии Ориона люди просто дурели. Я бы повеселилась, если бы постоянно не вспоминала о том, как мало ценят меня саму. И если бы едва зажившая рана в живот не портила мне настроение.

Но я не отказывалась, когда мне на протяжении всего дня предлагали удобные места и мелкие услуги. Я нуждалась в этом, чтобы выжить. В течение семестра я немножко опередила программу, надеясь использовать сэкономленное время на подготовку к экзаменам, но вместо этого пришлось залечь на дно, чтобы не стать притягательной мишенью. Я даже не пыталась делать домашнее задание – просто берегла энергию. В тот вечер я потратила немного маны из кристалла на мощный щит, а потом рухнула в постель и заснула сном человека, чью дверь охраняет Заклинание Эгиды.

На следующее утро целительный бинт отпал, и остались только еле заметный шрам, боль и мысли о предстоящем дедлайне в мастерской. Если не выполнишь задание в срок, незаконченная работа оживет и явится к тебе – со всей той силой, которую ты в нее вложил. А если попытаешься схитрить и ничего в нее не вложишь или сделаешь неправильно, материалы, которые ты использовал, оживут по отдельности, да – и явятся к тебе. Очень эффективная метода. Новое задание мы получаем каждые шесть недель. В прошлый раз мне достался выбор между: 1) гипнотическим шаром, с помощью которого можно превратить группу людей в бешеных безумцев, рвущих друг друга на части; 2) симпатичным механическим червем, который внедряется в чужое сознание и каждую ночь показывает кошмары, пока человек не сойдет с ума; и 3) волшебным зеркалом, которое дает советы и позволяет заглянуть в будущее.

Полагаю, ясно, какой совет может дать мне такое зеркало. Кроме того, сделать его раз в десять сложнее, чем два других артефакта. Но если я сделаю шар или червя – ими непременно воспользуются. Не я, так кто-нибудь другой.

Я уже выковала для зеркала раму из простого железа и сделала заднюю стенку, на которую ляжет зачарованное серебро, – но была готова поручиться, что при первых десяти попытках оно выльется совершенно не так, как надо. Помимо мастерства в таких случаях нужны алхимия и заклинания; соединить две-три дисциплины очень сложно – если, конечно, ты не можешь позвать на помощь специалистов. Как вы понимаете, я этого сделать не могла.

Но сегодня Аадхья добровольно пошла после завтрака со мной в мастерскую и села рядом на длинной скамье.

– Я слишком устала, чтобы работать, но у меня горят сроки, – призналась я и показала ей свое задание.

– Ого. Ты это выбрала? – удивилась она. – Волшебные зеркала делают выпускники, которые специализируются по мастерству...

– Другие задания были еще хуже, – сказала я, не уточняя. Смастерить гипнотический шар я могла бы за один урок, используя пригоршню битого стекла. Да, вероятно, для этого мне понадобилась бы человеческая кровь, но тут уж привередничать не приходится. – А ты что делаешь?

Аадхье достался держатель щита – личный амулет, который носят на шее или на запястье. Цепляешь на него магический щит – и обе руки у тебя свободны, чтобы колдовать. Очень полезная штука, и ее довольно легко сделать: заглянув в рабочий ящик Аадхьи, я обнаружила, что она смастерила уже полдесятка – запасные она наверняка собиралась обменять с максимальной выгодой. Конечно, ей проще, поскольку она специализируется по мастерству, но тем не менее.

Аадхья пристально взглянула на меня и сказала:

– Сплав гораздо проще сделать, если рядом есть мастер и алхимик.

– Терпеть не могу просить о помощи, – сказала я – и не соврала. – До конца семестра три недели, все заняты.

– Я уделю тебе немножко времени, если найдешь алхимика, – пообещала Аадхья, явно надеясь, что ей выпадет шанс поработать с Орионом. – И если разрешишь мне пользоваться этой штукой.

– Сколько угодно!

Сделка была превосходная. Я подумала, что, наверное, придется заплатить ей каким-нибудь другим способом: скорее всего, после первой попытки она не захочет больше пользоваться зеркалом. Хотя, конечно, бывают и такие зеркала, которые внушают тебе, что твои замыслы просто гениальны, ты чертовски умна, красива и так далее – пока все у тебя не полетит вверх тормашками.

Ну вот, а теперь предстояло просить о помощи Ориона, что я неохотно и сделала за обедом. Я подумала, что надо воспользоваться всем спектром возможностей, прежде чем он сообщит, что мы, по мнению однокашников, встречаемся, и начнет избегать меня, вместо того чтобы и дальше изображать рыцаря в белом плаще. Вчера он за каждой трапезой шепотом справлялся, как я себя чувствую, и терпел обхаживания Аадхьи и Ибрагима. Знаки внимания от Ориона бесили меня так, что я позволила Ибрагиму докучать ему за ужином («Ого, неужели ты в одиночку убил пожирателя душ?!», «Посоветуй, какой агонист лучше: серебро или золото» и так далее). Но культ Ориона раздражал еще сильнее, поэтому в конце концов я сорвалась и велела Ибрагиму заткнуться или пересесть за другой стол. Он как будто смутился, замолчал и попытался гневно взглянуть на меня, но я просто посмотрела на него в ответ. Не сомневаюсь, Ибрагим понял, какая чудовищная, ужасная судьба ждет тех, кто пробудит мой гнев. Он поежился и сделал вид, что смотрит в пустоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.